



Александр ЛОМТЕВ

ЛЁПА

(или Семь дней в восьмидесятом)

Александр Алексеевич Ломтев родился в 1956 году в селе Пуза Арзамасской, ныне Нижегородской области. Окончил Арзамасский государственный институт, работал киномехаником, электромонтёром, сторожем, журналистом. С 1990 года и по сей день – директор различных газет и информационных агентств. Член Союза журналистов России, Альянса руководителей региональных СМИ России (АРС-пресс). Прозаик, поэт, публицист, член Союза писателей России. Публиковался в общественно-политических и литературных журналах в России и за рубежом. Автор семи книг, лауреат премий Союза журналистов России, «Золотой гонг», «Золотой лотос», «Патриот России», «Имперская культура», Международной премии им. А.Куприна. Живёт в Сарове Нижегородской области.

Трёхлетний карапуз семенял от лужи к луже, старательно шлёпал зелёными сапожками по воде и кричал, радуясь сверкающим на солнце брызгам:

– Лёп, лёп, лёп!

– Ах ты, лёпа, опять весь вымок с головы до ног, – весёлая мама подхватила его под мышки, подняла, поставила на асфальт, – айда штаны менять, лёпа эдакий...

Город лежал в междуречье на границе мордовских и муромских лесов, словно в зелёной колыбели. Он утопал в липовых скверах, тополиных аллеях, сиреневых зарослях, слушал ночами гул корабельных сосен. Канюки и коршуны безбоязненно селились в пригородных лесах, совы ночами ухали за окнами в парках и скверах, лисы на рассвете приходили поживиться к мусорным контейнерам, а вёснами лосихи приводили лосят прямо в городские дворы. Всё как в любом другом среднестатистическом среднерусском городке: колоколенка

в центре наполовину уцелевшего монастырского подворья, Дом культуры и дом со шпилем сталинского ампира, Вечный огонь, стадион, пара кинотеатров, автоматы с газированной водой; сквер с фонтаном, в центре которого зимой и летом стояли легко одетые представители трёх человеческих рас, держа на вытянутых мускулистых руках железный земной шар; кварталы сталинок, окружённые хрущёвками, рафинированный строй девятиэтажек, россыпь финских домиков и деревенский самострой частных домишек вдоль по окраине.

Но стоит уйти за город и пересечь лесные дебри, везде, куда ни отправишься, вскоре набредёшь на два ряда заграждений из колючей проволоки и контрольно-следовую полосу между ними. А если немного подождёшь, то обязательно увидишь, как вдоль полосы пройдут автоматчики, у одного из которых на поводке неперменная крупная чепрачная или серая восточноевропейская овчарка. Ждать, однако, не стоит: заметят — заметут...

Понедельник

В одно прекрасное свежее августовское утро ты просыпаешься и, вместо того чтобы радоваться жизни, вдруг с непонятной тревогой осознаёшь: тебе уже за двадцать! Позади школа и пять лет, неизвестно куда подевавшихся, а что впереди — непонятно. То есть в том-то и дело, что как раз понятно: всё то же.

В понедельник Лёпа поднялся с тяжёлой головой и с мыслями о том, что всё это будет тянуться до самой смерти. Яичница с колбасой на завтрак, завод, цех, рассольник в столовой, домино и глупые матерные анекдоты в перекуры. Ну, кино, ну, танцы, девчонки разболтанные, сразу понятно, какие из них жёны получатся... Даже и думать не хочется. Ну, в санаторий в Судак на двадцать один день; в сентябре в деревню — деду картошку помочь убрать. И так до смерти? Грустно, товарищи, грустно, как сказал, кажется, А.П. Чехов. А даже если и не Чехов — какая разница, всё равно грустно. И даже печально.

Бросив клоч под коврик у двери, Лёпа вышел из подъезда и побрёл по не горячему ещё тротуару нога за ногу. Однако на полпути вдруг вспомнил про Ленку и сразу повеселел. После тренировки ему идти к ней домой. С ночёвкой. Первый раз.

С Ленкой их столкнуло совсем недавно на дурацком турслёте, в котором добровольно-принудительно пришлось поучаствовать от предприятия. То есть Лёпе принудительно. Ей-то эта комариная романтика как раз нравится.

Вечером, после соревнований, он тренькал на гитаре у костра и что-то там мурлыкал; а гитара на таких, как эта зеленоглазая, Лёпа заметил, действует, словно валерьянка на кошек. Вот и она подседа поближе, уставилась, улыбалась чему-то; пламя костра отражалось в её влажных малахитовых глазах.

Тут кто-то попросил Лёпу рассказать, как он Высоцкого хорошо ездил. А чего рассказывать, сел на поезд, да и поехал. Пугали, что из-за олимпиады в Москву не пустят, но он не заметил, чтобы кого-то ловили и обратно отправляли. Нормально вышел с Казанского и добрался до места... Но вблизи Высоцкого, честно говоря, так и не увидел. Такая толпа собралась — не пробиться!

Всё почему-то как в тумане было. Жара стояла страшная, река из живых людей текла по тротуару, а милиция смотрела, чтоб на проезжую часть не сходили. И голос его из каждого открытого окна. Лёпа как во сне был... Не помнил даже, как обратно до вокзала добрался, как в вагон садился.

С Ленкой они после того турслёта стали встречаться каждый день. То на танцах в парке отдыха или в ДК, то в гостях у кого-нибудь, то на речке, на пляже, то бродили просто так по городу. Она после школы устроилась на работу в парикмахерской, ученицей мастера, но летом поступила в здешний институт. В филиал МИФИ. Лёпа как-то спросил её, отчего не в столицу. Она в ответ пожалала плечами:

— Да мне без разницы, а мать считает, что наш городок всё равно что район Москвы. Даже лучше: здесь спокойнее.

Тут она права — с городом им, конечно, повезло. Могли бы родиться где-нибудь в Урюпинске, или в Удоеве, или вообще в каком-нибудь Череззаборногузадерищенске на краю

болота... Вот уж вообще тоска. А тут всё-таки город науки. Да ещё секретный. Да ещё с московским снабжением. Говорят, раньше даже прописка московская была. Но сейчас уже нет. Зато почти никакого дефицита. Разве что кофе... Почти коммунизм в отдельно взятом городке. Другое дело, что ни друзей, ни родственников не пригласишь. Отец рассказывал Лёпе, что первые годы даже в отпуск за зону не выпускали. Если только на похороны или в санаторий. В общем, закрытый город — он и есть закрытый город.

И вот вчера они допоздна гуляли по парку, а когда добрались до подъезда, выяснилось, что мамаша её уезжает в командировку, и, кося зеленоватым глазом, Ленка как бы мимоходом предложила:

— Завтра после работы приходи ко мне. На ночь. Только учти, я лошадка необъезженная.

— Да я, — не подумав, ляпнул Лёпа, — вроде не ковбой...

— Ишь ты, за словом в карман не лезешь! Придёшь?

— Приду, конечно, только после тренировки. Пропустить нельзя, сама знаешь.

В общем, в цех под мысли о вечере Лёпа прискакал даже раньше, чем обычно.

Да, начинался этот понедельник не очень чтобы, но потом как-то разгулялось. До обеда Лёпа слонялся по цеху — заявок не было, и он то в курилку забредёт, то во двор выйдет посидеть на скамеечке с мужиками, то на склад сходит. Тут главное — мастеру на глаза не попадаться, этот

работу всегда найдёт. Заставит кабель мотать на барабан, или грузить чего-нибудь пошлёт, или ещё что. Ближе к обеду прибежал из оформительского Агапит, попросил кусок цветного оргстекла согнуть. То есть настоящее-то имя его Олег, но все Агапитом зовут: больно уж он похож на героя «Отроков во Вселенной». Агапит из оргстекла чего только не выделывает — и плафоны для настольных ламп, и замысловатые накладки для электрогитар, и приборы настольные. Как он их только из цеха выносит. А гнуть оргстекло сам не умеет. Ну, Лёпа это в два счёта... Пока возились, и обед подошёл.

В столовую отправились вдвоём.

— В столовке девчонка новенькая, посудомойка, — Агапит ткнул Лёпу локтем в бок. — Ничего себе такая, симпатичная.

Лёпа её уже видел. Стройная, и личико симпатичное, но вот руки... Красные и шелушатся. Наверное, от горячей воды и соды. Или чем они там посуду моют. Жалко девчонку — кто на неё с такими руками позарится. Вот у Ленки руки — да, изящные, кожа гладкая. Вспомнив о Ленке, Лёпа даже подумал малодушно, может, пропустить тренировку-то. Разок. И сам же себя осадил: нельзя!

Работать после обеда никогда не хочется. Как говорится, до обеда борешься с голодом, а после обеда со сном. Хочется развалиться на скамейке у ворот цеха под густыми липами и смотреть, как воровбы дерутся из-за крошек, что народ с обеда принёс для них, да для синиц, да для почти

ручных поползней. Хотя нет, поползней хлебные крошки не интересуют, этим подавай семечки подсолнечные. Он и присел было на зелёную, изрезанную всевозможными глубокомысленными надписями скамью, но именно тут возникший из ничего мастер поманил пальцем — давай-ка сюда, бездельник, заявка поступила. И пришлось тащиться через полгорода в школьную столовую, ремонтировать отказавшую электромясорубку. До обеда это было бы хорошо: отремонтируешь, тебя здесь же и покормят даром. А если ты уже сыт, работать в пропахшей едой столовке — хуже нет.

Над мясорубкой провозились с напарником почти до пяти, и в цех мастер разрешил не возвращаться. Вообще-то в ремонтном цехе всё же лучше, чем, скажем, в токарном. Там с восьми до пяти, как привязанный, — у станка, у станка... А тут свободней, можно иногда по пути на заявку и сгульнуть куда. Без наглости, конечно.

Дома было тихо и пусто: младшие братья всё лето в деревне, а родители с работы вернутся позже. Бросив портфель с инструментом, Лёпа умылся, соорудил себе бутерброд с докторской колбасой и жевал его, запивая холодным молоком под бодрый голос из репродуктора. Диктор с воодушевлением вещал про Венецианский кинофестиваль, в котором примет участие советский фильм «Рассказ неизвестного человека».

Нарезая ещё один бутерброд, Лёпа усмехнулся: вспомнил, как младший брат, посланный

в магазин за колбасой, попросил у продавщицы вместо докторской врачевную. Сметя крошки со стола и убрав в холодильник молочную пирамидку, он достал из шкафа сумку с кимоно. Своей формой Лёпа тайно гордился, поскольку у всех в секции самошитые кимоно были из тонкой, легко рвущейся бязи, и только у него изготовленное по профессиональным выкройкам дядей-портным из крепкого, плотного и приятно шероховатого репса. Не считая, конечно, сэнсэя; у того настоящее фабричное кимоно, привезённое аж из Питера...

— Ить... ни... сан... си... го... року... сить... кать... ку... дзю!

На «дзю» Лёпа в унисон со всеми выбрасывал руку или ногу с особенно резким выдохом через нос «хм-м!» или с придушенным криком «киа!». Десятый удар должен был быть самым резким и мощным. Город, работа, дом, даже Ленка на время словно бы пропадали. На стене висел флаг школы шотокан с изображением кулака и иероглифами; с портрета на парней в самодельных разноцветных кимоно иронически смотрел Фунакоши, основатель школы шотокан. Здесь была особая зона, которая никак не пересекалась с обычной жизнью за окном.

Тренировка длилась три часа, за это время отдохнуть можно было лишь два раза; сэнсэй говорил: «Минута!» — и ровно минуту можно было ничего не делать. Кто-то просто стоял, кто-то садился в позу лотоса, а кто-то валился

на деревянный пол и лежал в изнеможении, пока не прозвучит команда на построение. Такие нагрузки выдерживал не всякий. А если учесть ещё и обязательные спарринги, во время которых тебе могли захватить и кулаком, и пяткой практически в любое место... В общем, осенью в группу набиралось человек по сорок, а к Новому году оставалось порой меньше половины.

«Ить!» — правая нога плавным движением вперёд, одновременно крепко сжатый кулак левой руки от пояса резко, с выдохом, выбрасывается на уровень солнечного сплетения. «Ни!» — правая рука от пояса взлетает по дуге вверх, защищая голову жёстким блоком, «ударный» кулак возвращается к поясу. «Сан!» — левая нога вперёд, вылетает правый кулак, левая рука к поясу. «Си!» — блок...

Ровный голос сэнсэя, шелест кимоно, хлопки широких рукавов в момент ударов, сдавленное «киа!» — всё ритмично, слаженно, чётко — это завораживает, погружает в какой-то транс; стоит втянуться — и уже почти перестаёшь ощущать усталость, словно энергия всех передается каждому. И хотя к концу тренировки пот льёт ручьями, силы откуда-то находятся. Кто выдерживал три таких тренировки в неделю в течение полугода, из секции сам не уходил никогда. Другое дело, что могли и выгнать, — дисциплина в школе была железная.

— Тут вам не комсомол, — говорил староста группы Борис Собакин, — тут всё по-настоящему.

От стадиона до Ленкиного дома с полчаса хода. Если бодрым шагом и если через парк и висячий мост.

Лёпа любил гулять по вечернему городу не торопясь. Особенно в дождь. Идёшь, дождик шуршит по асфальту, по листьям тополей и лип, серебрится в свете фонарей, пахнет травой и близкой речкой — хорошо. Лёпе казалось порой, что город — продолжение его квартиры, дома; всё знакомое, близкое, сто раз хоженое, с улицы в переулок пройти, словно с кухни в комнату. Идёшь, думаешь, мечтаешь о чём-то... Вот пройдёт ещё двадцать лет — что будет? Будешь ли идти по этой самой улице снова или другую улицу на краю света доведётся топтать? И каким ты станешь тогда?..

Но сегодня Лёпа пролетел весь путь минут за пятнадцать, не видя ни лип, ни тополей, ни колокольни с антенной на макушке вместо креста, отражавшейся в тёмной воде реки.

Ленка открыла дверь, едва он нажал на кнопку звонка.

Мать у Ленки работает в горкоме партии. Секретарём по идеологии. И Лёпа, конечно, не их поля ягода, он понимает. Да и Ленка понимает, хоть и говорит, что ей всё равно. У Лёпы дома две полки с книжками. А тут целых четыре книжных шкафа — битком. Лёпа, увидев такое богатство, про всё забыл. Столько книг в одном месте в обычной квартире Лёпа видел, пожалуй, только у Веры. Но у Веры мама — директор школы.

Лёпа трогал корешки, читал названия; некоторых авторов он знал, но большая часть была внове, или слышал, но не читал. Одна тоненькая лежала поверх томов. Лёпа взял, прочитал вслух: — «Один день Ивана Денисовича»...

Крикнул возившейся на кухне с чайником Ленке:

— Интересная книжка?

Девчонка выглянула из-за дверного косяка:

— А, Солженицын? Вещь!

— Дашь почитать?

Ленка неожиданно замялась:

— Понимаешь, Лёп, эту книжку нельзя из дому выносить. Она как бы... запрещена.

— А как же она у вас?

— Ну, мать же секретарь горкома.

Лёпа неожиданно для себя обиделся:

— Ну да, мы-то второсортные, малограмотные... Ненадёжные, в общем...

Ленка помолчала, потом сказала:

— Бери, но только на два дня, к приезду матери вернёшь. И никому не показывай, тут у них на днях какое-то ЧП приключилось. Очень серьёзное. Так что она на взводе.

— А что за ЧП?

— Не знаю я, но что-то очень серьёзное, она как раз по этому поводу и уехала в Горький.

— Лёп, а ты слышал про Чёрного человека? — спросила Ленка, когда они сели ужинать. — У нас в парикмахерской болтают невесть что.

— Слышал, — усмехнулся Лёпа, — да у меня сосед его видел! Дядя Коля. Шёл после второй смены домой через низину, а он из кустов вышел. Дядя Коля говорит, так дёрнул, что сам не знает, как дома оказался. Я его расспрашивал, как и что, а он говорит, что и не помнит толком ничего, испугался сильно. Только что высокий — больше двух метров, в чёрном балахоне, и глаза светятся.

— У нас в парикмахерской говорят, с какой-то площадки сбегал, эксперимент проводили, и вот получилось...

— Да у вас в парикмахерской наговорят. Не знаю, что это за тип, но не думаю, что тут мистика или ещё что. Я бы вообще не поверил, если бы не дядя Коля, он в будни не пьёт, да и вообще не врёт.

— А что ж его не поймают?

— Анекдот помнишь про неуловимого Джо? Что, поймать не могут? Да кому он на фиг нужен... Рано или поздно выяснится.

— Да, наверное. А мне даже интересно, если тут что-то потустороннее.

Ну такая вот она — Лёпина девочка, всё ей тайны, путешествия, мистика...

В спальне горел слабенький оранжевый ночник, делая комнату уютной и немного таинственной.

— Раздевайся, ложись, — кивнула Ленка на тахту, застеленную покрывалом «под тигра», и вышла, — я сейчас, только в ванную загляну.

Лёпа, прислушиваясь к гулу воды за открытой дверью, быстро сбросил с себя всё и нырнул под покрывало. Плеск в ванной стих, и через секунду в комнату вошла голая Ленка. Она картинно встала у косяка и, улыбаясь, посмотрела на Лёпу.

— Ну как, красивая я?

— Ещё бы, — вполне искренне отозвался Лёпа.

— Если бы я не боялась, что тебя посадят за порнографию, я бы тебе попозировала на фото.

Она щёлкнула выключателем, ночник погас, но сквозь шторы пробивался свет уличного фонаря и играл бликами на летней бронзовой коже девочки. Кожу эту хотелось гладить и целовать, чем Лёпа немедленно и занялся...

Он, хоть она и сказала, что кобылка необъезженная, был у неё не первым. Да и она у него была не первой.

Первый раз это случилось с Лёпой два года назад, в санатории. Он тогда собрался в свой первый отпуск, и в профкоме ему предложили путёвку в Судак. Конечно, зима не самое лучшее время для Крыма, но очень хотелось увидеть не виденное с детства море.

Познакомились, кажется, на третий день. Собственно, это она пригласила его вечером на танец, ну и... Он плохо помнил, что тогда было. Хмельные дни и ночи пролетали мимо сознания. Сырая зимняя набережная, солёный ледяной ветер, терпкое вино в сумрачной «Бочке» под вечной генуэзской крепостью, зубчато завышей над посёлком.

Она была заметно старше, всё время смеялась и подшучивала над Лёпой, а когда садилась в автобус до Симферополя, плакала. Но адреса не попросила. И своего не оставила...

Ленка уснула, прижавшись к нему горячим боком. За окном неестественно зеленела лохматая липа в поддрагивающем неоновом свете фонаря, иногда проезжала запоздалая машина. В ночной законной тиши Лёпа услышал далёкий гул взрыва. Оконные стёкла отозвались тоненьким дребезгом. На одной из лесных испытательных площадок взорвали очередной заряд. «Вот бы интересно посмотреть, как это у них там», — уже засыпая, подумал Лёпа.

Вторник

Тонкий солнечный луч медленно полз по подушке. Вот он коснулся щеки, согрел её, переполз на веко. Зелёный затуманенный глаз открылся, и Ленка, приподняв голову, оглядела разметавшегося во сне Лёпу. Что-то тепло отозвалось в низу живота, и Ленка принялась легонько кусать Лёпу за ухо. Лёпа открыл глаза и улыбнулся...

В цех вбежал, запыхавшись. Успел. А торопиться-то и не стоило. Мастера вызвали в Управление на какое-то срочное совещание, и народ слонялся без дела. Говорили, что мастеров и начальников других цехов тоже погнали на совещание и что случилось что-то «из ряда вон». Ну, случилось

и случилось, нашим легче; Лёпа вышел под липы и, достав из портфеля книжку, через минуту уже слышал посвист вьюги, скрип снега под ногами серой колонны в ватниках, хриплые голоса надзирателей, и даже морозец вроде пробежал меж лопатками...

Ближе к обеду из оформительского прибежал Агапит:

— Лёпа, тебя к телефону, Вера.

Странно, Лёпа давал ей свой рабочий, но не ожидал, что Вера ему позвонит.

Оказалось, закоротило уют, и в результате вырубился свет во всей квартире. Вера позвонила в ЖЭК, да там ей ответили, что электрик сможет подойти только к вечеру.

Быстрым шагом до Веринного дома минут десять, прикинул Лёпа и решил у мастера не отпрашиваться. Вряд ли его за полчаса до обеденного перерыва хватятся.

Лёпе нравилось бывать у Веры. Были они ровесниками, учились в одной школе, в параллельных классах, но Лёпе казалось, что она старше. Как-то в школьной библиотеке Вера увидела, как Лёпа листает журнал «Знание — сила», и сказала:

— Оригинальный журнальчик. Учёным стать хочешь?

— Неа, — чего-то засмутился Лёпа, — тут про природу, про животных иногда интересно пишут.

— А, природу любишь, — улыбнулась Вера. — Сетона-Томпсона читал?

— Читал.

— А Джеральда Даррелла?

— Конечно.

— А Фарли Моуэта?

— Не-ет. А кто это?

— Канадский писатель. Жил среди волков и написал про них книгу «Не кричи, волки».

Книжки этой в школьной библиотеке не оказалось, и Вера принесла ему её из дому. Не сказать, что они очень уж подружились, но приятельские отношения у них завязались. Вера «подкармливала» Лёпу интересными книжками из домашней библиотеки, а чем он был ей интересен, он и сам не понимал. Мама у Веры — директор школы. Не той, в которой они учились. А отец — большой начальник в Управлении, в Красном доме, как его все называли в городе. Вера не чванилась, познакомилась даже с Лёпиной компанией, несколько раз приходила посмотреть их тренировки в секции карате. Вообще-то посторонних на тренировки не пускали, но отец сэнсэя тоже был из Красного дома, так что...

Всё в квартире Веры было просто, но как-то... солидно, что ли. Всё к месту, всё удобно.

Правда, вот семь слоников на пианино казались Лёпе не к месту. Не интеллигентские слоники.

— Слоники — это же мещанство, — так он и сказал однажды.

Вера в ответ усмехнулась:

— Мещанство не в слониках и вообще не в вещах, а в самом человеке, в его отношении к вещам. Этим слоникам знаешь, сколько лет? Они маме от бабушки достались. Дореволюционные слоники.

Сняв в прихожей ботинки и отказавшись от тапочек, прошёл в

комнату, подмигнув по пути желтоватым от времени слоникам, и взял утюг. Ну, конечно, матерчатая оплётка провода перетёрлась и измахрилась, а резиновая растрескалась. Медные жилки выглядывали из оплётки, одна из них почернела. Ну, да — «коза», короткое замыкание. Лёпа пошёл к счётчику, вывернул пробки.

— Новые есть? — спросил он у наблюдавшей за ним Веры.

Вера порылась в тумбочке, в ящиках комода:

— Кажется, нет.

— Ну, поставлю пока «жучок», — Лёпа покопался в портфеле, отыскивая подходящую проволочку. — Но нужно купить пробки и заменить.

Потом он занялся утюгом. Зачистил обгоревшие концы, плотно прикрутил их к клеммам и тщательно замотал синей изолентой. Потом подтянул оплётку и закрепил её чёрной — в цвет шнура — изолентой.

— Как новенький! — сказал он Вере и воткнул (Вера зажмурилась) вилку в розетку. — Готово, работает...

Вера хотела накормить его обедом, но Лёпа отказался. Сказал, что торопится, на самом же деле постеснялся. Один раз он обедал здесь и до сих пор помнил чувство собственной неполноценности. Всё было не так, как дома. Первое наливали не из кастрюли, а из специальной супницы, рядом с приборами лежала салфетка, с которой он не знал, что делать. Тарелку, доедая суп, наклоняли не к себе, а от себя, и

чего уж говорить про нож и вилку... В общем, это был не обед, а мучение.

Вот странно, все говорят про равноправие, про то, что при социализме все равны. Но какое же равенство, если даже обедают все по-разному. Не говоря уж о том, что у Вериного отца бежевая «Волга», а у Лёпиного отца — мотоцикл «Иж» с коляской. Или вот Ленкиной матери можно читать Солженицына, а ему, Лёпе, нельзя. Конечно, Лёпе живётся значительно лучше, чем какому-нибудь негру его возраста где-то в Оклахоме, тут спору нет, но всё же...

В обеденный перерыв за Лёпой заехал на «Рафике» Лёня-Челюсть. В салон уже набилась вся компания, включая Колёсика и Наташку. Лёпе сунули в руки бутылку молока и полбатона с куском колбасы:

— Ешь по дороге, купаться поедем на Варламовку, — свою порцию «обеда» Колёсик уже доделал.

«Рафик» весело бежал по шоссе, промелькнули окраинные девятиэтажки, потянулся густой хвойный лес с узкими прямыми просеками, ведущими к закрытым площадкам. Дорога вела на выезд из города в сторону Мордовии, к КПП, а на полпути как раз и расположилось небольшое лесное озерцо. Вообще-то это было не озеро, а пруд. Его давным-давно соорудили монахи. Отец, помнится, рассказывал, что здесь, на берегу Варламовки, жил знаменитый монах — то ли Назарий, то ли Герман, который потом уехал

и стал православным проповедником на Аляске. Откуда это стало известно отцу, Лёпа спросить как-то не догадался. А вот клады, спрятанные монахами в монастыре, они в детстве искали, облазили все закоулки, галереи и ходы, которые только смогли обнаружить. В одном из таких ходов, видимо, в печном дымоходе, Лёпа однажды застрял, напугавшись до полусмерти и напугав тогдашних своих дружков — Игоря и Васю. Странно, думалось Лёпе, вот были друзья не разлей вода, а потом вдруг незаметно раздружились. И не ссорились, не ругались, просто перестали встречаться непонятно по какой причине.

— А говорят, там, в Варламовке, вода с радиацией, — сказал осторожный Саня. — Там же грязная площадка... Вроде бы даже рыбу двухголовую вылавливали...

— Ну и что? — засмеялась Наташка. — Тебе, например, вторая голова не помешала бы.

— Тебе самой и три мало было бы, — огрызнулся Саня.

— Враньё всё это, — подал из-за руля голос Лёня-Челюсть, — у меня там батя всю жизнь работает, у них специальные очистные есть, и всё уходит в другую сторону, в заповедник.

Лёпа вспомнил деревенские разговоры о городе. Мол, всё там — и заводы, и лаборатории, и даже аэродром — под землёй, везде радиация, поэтому и зарплаты немислимые.

Никаких подземных аэродромов и заводов здесь, конечно,

не было, а вот зарплаты хоть и не немислимые, но хорошие, да ещё к ним двадцать процентов «зональных» приплачивают. Как бы за неудобство проживания за колючкой.

В прозрачной, с приятной зелёной воде было хорошо остывать от августовского зноя. Лёпа отплыл чуть в сторону, набрал полную грудь воздуха и, нырнув, ухватился за донную корягу. Он принялся считать: один, два, три... Воздух рвался из лёгких, сердце начинало стучать в висках. На пятидесяти Лёпа вынырнул, недолесно отфыркиваясь. Меньше минуты — мало. Он снова глубоко вдохнул и, нырнув, с открытыми глазами поплыл к купающимся. Ближе к пляжу вода слегка помутнела, но он увидел среди множества белых двигающихся ног стройные ноги Наташки. Он хотел было ущипнуть её за круглую ягодичу, но, вспомнив про Ленку, передумал и вынырнул прямо перед ней, слегка испугав.

— Фу, ты, водяной! — брызнула в него Наташка. — Опять ныряешь!

Лёпа вышел на берег, нужно было обсохнуть до отъезда. Он отошёл за ежевичник, тянувшийся вдоль берега, и, сняв трусы, хорошенько отжал их. Задрав голову и зажмурив глаза, постоял под пробивающимися через сосновые кружева солнечными лучами, и ему вдруг представилось, как по тропке бредёт в чёрной рясе согбенный старый монах. Вот сосны те же, озеро то же, песок, а где

он — монах, уехавший на Аляску, вспоминал он потом эти сосны и это озеро?

Лёпе нравилось здесь, нравился этот лесной, настоящий на сосновой смоле, горячем песке и зацветающей воде дух. Хорошо, нанырвавшись вдосталь, броситься грудью на горячий песок, закрыть глаза и слушать крики купающихся, плеск воды, плотный гул леса; или, повернувшись на спину, смотреть и смотреть, как в сатиновом отцветающем к осени небе плывут ватные белоснежные облака. Куда плывут, откуда... Нет для них ни КПШ, ни колючей проволоки, не страшны им остроухие восточно-европейские овчарки...

На обратном пути Саня с Юрецом заспорили про Жана Татляна. Юрец утверждал, что Татлян — француз, имя-то французское, а Саня говорил, что еврей. Никто, конечно, толком не знал, и спор был глупый, но весь «Рафик» включился в свару, пока Наташка не сказала:

— Чего вы спорите, дурачки, армянин он. А родился в Греции.

— Как это, армянин — и в Греции, и откуда ты знаешь?! — вскинулся Юрец.

— От верблюда! У мамки журнал был, где про него было написано всё. И пластинок куча. Это сейчас он запрещённый, а тогда, десять лет назад, знаменитый был на весь СССР, пока во Францию не уехал.

— А чего он уехал?

— Не знаю, говорят, зажимать стали...

Тут опять заспорили. Правильно зажимают или неправильно. Колёсик был категоричен:

— Этих диссидентов нужно всех за шиворот и на фиг из страны! Не нравится — другим не мешай.

«Эх, Мальшша здесь нет, — улыбнулся про себя Лёпа, — вот бы сцепились!»

Мальшш говорил: я за советскую власть, но без легавых и начальников, и чтоб за границу ездить можно было всем, а не только избранным. Но бывший Лёпин одноклассник Миха Мальшенко в эту компанию почему-то не вписывался.

Когда уже подъезжали, не споривший Лёня-Челюсть очень кратко подвёл дискуссии итог, сказав:

— Предатели. Денег больше хотят — и всё. Вон Высоцкого тоже зажимали, а он не уехал, несмотря на Марину Влади.

В цеху Лёпу уже ждал Агапит с очередной поделкой. Заявок не было, и Лёпа принялся помогать приятелю.

— Лёп, а давай за Чёрным человеком охотиться, — предложил заглядывающий через плечо Агапит. — У меня бинокль есть, устроим засаду. Он ведь в основном в нашем районе появляется, вчера опять кого-то до полусмерти напугал. Можно, например, на крыше тира засесть.

— Ты как маленький, может, ещё за привидениями поохотимся?

— Вот ты не веришь, а привидения существуют, — обиделся Агапит, — просто учёные пока

зафиксировать не могут. И объяснить. Ну не хочешь — и не надо, я Миху-Мальшшу позову, он пойдёт.

«Кстати, о Мальшше, — подумал Лёпа, — не забыть после работы забежать к нему за нунчаками».

Мальшш выточил нунчаки из бука, отполировал, и зализанную шестигранную поверхность боевых палок приятно было ощущать ладонями. Скреплены они были сыромятным ремешком.

— Прочные? — спросил Лёпа, осматривая места крепления ремешка. Узлы казались надёжными.

— А то, — отозвался Мальшш, — фанеру-трёхслойку пробивают, я попробовал, никаких сколов, и ремешок не протирается. Будь спок.

Лёпа вышел на середину комнаты, посмотрел, не заденет ли люстру, и принялся крутить нунчаки, ускоряя их пропеллерное вращение почти до прозрачности. «Завтра на тренировке ребятам покажу, — думал он, — не хуже, чем у сэнсэя».

— Классная штука, — покачал головой Мальшш, — нужно, пожалуй, и себе такие сделать.

— Научишь?

— Запросто.

— Слушай, пакеты не нужны? — спросил Мальшш, когда Лёпа собирался уходить. — Смотри, есть с цветами, с «Мальборо», с Парижем и с джинсовой попой.

Лёпа знал, что Мишкин брат фарцевал, и, хотя в душе дела этого не одобрял, иногда всё же пользовался возможностью прикупить

дефицита. Именно так у него появилась пластинка Высоцкого, выпущенная в Болгарии.

Пластиковые пакеты в городе появились недавно и были «последним писком». Оно и понятно: одно дело с авоськой идти, и совсем другое — с ярким красивым пакетом.

— Почём?

— Вообще по пятёрке штука, но тебе за трёшку отдам.

— Беру вот этот, с джинсой, трёшку потом отдам, нет с собой.

Подарю Ленке, решил про себя Лёпа.

Ленкина мамаша вернулась из Горького раньше, чем планировала, и Лёпа наотрез отказался идти вечером в гости. На Ленкины уговоры отвечал:

— Что за смотрины?! Не гони коней, успеем ещё познакомиться. Давай лучше в кино сходим, в «Октябре» «Территория» идёт, я книгу читал — мне очень понравилась, про геологов, золотоискателей.

— Читала. Олег Куваев, да, хороший роман.

Ленкиной матери Лёпа не то чтобы побаивался, а как-то не понимал, как себя с ней вести. Отец хоть и сам бригадир, нет-нет, да и скажет: «Поближе к кухне, подальше от начальства». Вот задаст она ему какой-то каверзный вопрос, а он и не найдётся, что ответить. Не хотелось перед Ленкой простаком выглядеть.

В кино они не пошли, просто бродили по городу, ели мороженое в кафешке, потом сидели у

реки. Ленка снова завела разговор про Чёрного человека; будто бы какого-то дядьку после встречи с ним увезли на скорой с сердечным приступом. А Лёпа рассказал про совещание, на которое утром гоняли начальство из цеха. Решили, что это из-за того самого ЧП. Но что за ЧП, Ленка не знала.

— Мать ходит злая, — пожаловалась она, — бурчит что-то под нос, но ничего не рассказывает, узнаешь, говорит, когда время придёт.

Прощаясь, они долго целовались в подъезде. Лёпа трогал девчонку и задыхался от нежности.

— Мать скоро в санаторий уедет, — отрываясь от Лёпы, проворчала Ленка, — вот тогда...

Словно пьяный, он бродил по улицам, не узнавая их, и потихоньку успокаивался.

Совсем уже запоздно Лёпа забрался на чердак. И, как и ожидал, при жиденьком огоньке свечи увидел там всех: и Колёсика, и Папулю, и Санька, и Юрца, и Малого... Сидели вокруг положенной на кирпичи двери и слушали Наташку — спортсменку и красавицу, непонятно отчего яшавшуюся с дворовой шпаной. А та вещала о том, что в городе разоблачили молодёжную подпольную организацию «Феникс».

— Всех повязали! — сверкая глазами, энергично сипела Наташка. — И главное все — дети научных! И все комсомольцы! Из рабочих только один паренёк, и то ему так голову запудрили...

Говорят, теперь их посадят, а родителей, несмотря что заслуженные, из города — в двадцать четыре часа...

Лёпа слушал и не верил. Но машина у Наташки работала бухгалтершей в Красном доме, где сидело начальство, и знала всё. В голове не укладывалось: как это в Советском Союзе, в секретном городе, комсомольцы и — такое!

На двери, застеленной газетами, стояла бутылка портвейна, валялись плавленные сырки «Дружба» и распечатанная пачка печенья. Кто-то затянулся сигаретой, и Наташка брезгливо замаха-ла ладошкой.

В Наташку Лёпа когда-то был влюблён. Жила она в соседнем подъезде, была лёгкой и шустрой, как мальчишка; и всё лето после третьего класса, когда она появилась в их школе, Лёпа рыскал с ней по чердакам и подвалам окрестных домов в поисках неизвестно чего. Им хватало друг друга и тех игр, что они сами выдумывали, начитавшись Конан Дойла и Купера.

Странная штука — любовь. То тебе нравятся рыженькие и полненькие, то вдруг совсем наоборот — худенькие и чёрненькие... Вдруг Лёпе подумалось: детство кончается, когда приходит первая любовь. Вот только что Наташка была обычной соседской девчонкой, а жизнь была легка и беззаботна. И вдруг... И ведь Наташка знала, что она красавица. Как-то догадалась, поняла, что выбор за ней. И сразу всё изменилось.

Уже и в голову не приходило подбежать к ней, хлопнуть по спине и крикнуть: «Натаха, айда купца резать!» — и бежать сломя голову к речке, сбрасывая на ходу футболку, треники и полукеды, чтобы с маху врезаться в прохладную воду и — наперегонки.

Наташка выросла на глазах, обгоняя соседских пацанов-сверстников. У кого она научилась так тонко-иронично улыбаться? Эта улыбка моментально указывала тебе на твоё законное место — пацан!

Однажды она принесла во двор «голые карты», то есть карты, на которых королей, валетов и дам изображали голые люди. «Тебе ещё рано», — с улыбочкой сказала она, когда Лёпа сунулся было посмотреть. Это было безнадежно. Она нацелилась на взрослую жизнь, она метила в актрисы или, на худой конец, в манекенщицы. «Мы же друзья», — говорила она, если Лёпа обижался, и от этого было только хуже...

А потом вдруг всё прошло, как рукой сняло. Ну да, красивая, ну да, спортсменка — ну и что? Вот Ленка не такая уж и красивая, а от неё мурашки по телу...

Да, любовь вообще тёмная история. И до тюрьмы довести может, а то и до смерти. Тут Лёпе вспомнилась та недавняя история с убийством. Странная история...

Его старший двоюродный брат Коля любил соседскую девчонку Аню. Оба они учились в ПТУ. Сначала Аня гуляла с Колей и думала, что это

серьёзно, но однажды на танцах в городском ДК она познакомилась с Женей, и Женя стал иногда приглашать её на свидания. Женя только что закончил десятый класс спецшколы и поступил в институт. После того как она побывала на дне рождения Жени в его доме — симпатичном коттедже на тихой зелёной улице, Аня окончательно поняла, что ей нужен только он, Женя, и никто больше. Коля был сильный, спортивный, и Ане это нравилось. Но Женя очень стильно одевался, и родители у него были не из простых. Папа — учёный, мама — врач. У Коли и у Ани родители были как раз из простых. Правда, мама у Ани работала в магазине, и Аня тоже неплохо одевалась. И у них даже был цветной телевизор, чем из всего трёхподъездного Аниного дома могли, кроме них, похвастаться только жильцы из пятнадцатой квартиры.

— Коля, конечно, ничего, — соглашалась с Аниным выбором лучшая подруга Люся, — но Женя — это другой уровень, понимаешь? Совсем другой уровень.

Аня, конечно, понимала. Она старалась, она усиленно работала над собой, над манерами, следила за речью. А в окружении друзей из ПТУ это было нелегко.

Коля очень сильно разозлился. Как-то раз он подстерёг Аню и Женю на городском пляже и полез в драку. Женя на вид был слабее Коли. У него не было таких бицепсов, да и ростом он был пониже, но побить его Коля не смог. Оказывается, Женя ходил

в секцию дзюдо. После короткой схватки Коля оказался лежащим на песке и песком же отплёвывавшимся, а Женя сидел на нём и выкручивал его руку с бесполезным бицепсом. Конечно, Женю могли побить друзья Коли, это был их пляж, но Коля не позволил.

Всё лето Аня и Женя были вместе. В августе родители Жени уехали в отпуск в Ялту, и он пригласил Аню к себе домой. Они пили вино, ели мясо, приготовленное Женей на мангале во дворе коттеджа, и Аня осталась ночевать. Утром они побежали на речку, и, купаясь, он подхватывал её на руки и целовал мокрую кожу. Будущее рисовалось Ане очень радостным и светлым. Правда, Женя нечасто приглашал её в гости, и только с компанией, но Аня надеялась, что скоро всё изменится.

Осенью в ПТУ она встретилась с Колей. Они постояли, поговорили об общих друзьях, кто где был летом, кто чем занимался. И разошлись.

Пришла зима, и Ане казалось, что Женя уже должен был бы предложить ей выйти за него замуж. Но он не предлагал, а сама она никак не решалась об этом заговорить. Встречаться они стали гораздо реже, Женя очень уставал в институте. Иногда они встречались в пляжной беседке. Когда наедине, когда в компании. Когда встречались в компании, пили портвейн, когда наедине, Женя с весёлым, пугающим Аню хлопком открывал шампанское.

Как-то так вышло, что Женя подружился с друзьями Коли,

и как раз там, в пляжной беседке, они порой выпивали и веселились. Колины друзья научили Женю играть в карты, а Женя доставал для них кое-какие вещи. Да и портвейн, как правило, покупал Женя.

Женя ещё несколько раз приглашал Аню к себе домой, и у них было ещё несколько замечательных ночей. На Новый год он уехал с родителями в Прибалтику. И как-то так вышло, что праздник Аня отмечала в старой Колиной компании. Сначала Аня опасалась, что Коля станет выяснять отношения, но нет, Коля не стал, праздник вышел весёлым, и Аня даже на некоторое время перестала грустить о Жене.

Но на прощание, помогая Ане в прихожей надеть пальто, Коля вдруг без всякой злобы сказал:

— Он на тебе не женится.

— Женится, — с безмятежной улыбкой ответила Аня, — когда кое-что узнает.

Но вышло совсем не так, как она надеялась. Женя вовсе не обрадовался, не подхватил её на руки и не стал радостно целовать. Он побледнел, нахмурился и сказал:

— Нужно сделать аборт.

Ослушаться она не смогла. Женин папа отвёз её в Москву, и там всё случилось. Аня плакала и не знала, что будет дальше, она совсем потерялась. Женя пропал. Потом выяснилось, что его перевели в московский институт. Стало ясно, что Коля был прав. Хорошо ещё, что старая компания поддержала. Они ходили в кино,

на танцы в ДК, сидели в заметной снегом пляжной беседке, пили дешёвый портвейн, болтали, курили, смеялись.

— Жаль, что всё так получилось, — сочувствовала подружка Люся. — Но Коля-то ведь тебя любит...

Но Ане ничего не хотелось. Совсем ничего. Иногда она приходила на пляж одна, забиралась в беседку и подолгу сидела там на заснеженной скамейке без всяких мыслей, пока холод не прогонял её.

Как-то незаметно подкралась весна. Однажды во дворе своего дома Аня столкнулась с Женей. Он ждал её. Аня забыла, куда собиралась. Они молча пошли по весенней улице. Солнце било в блестящие окна домов, сирень кружила голову, первые ласточки с криками носились меж проводов... Сами не заметив как, они добрались до пляжа, пройдя по холодному песку, забрались в облупленную, не отошедшую ещё от зимы беседку и долго сидели там, глядя на рябящую воду реки.

Как-то потихоньку отношения восстановились. Они снова гуляли вместе, Колина компания вслед за Аней простила Женю. Правда, осторожная Люська настаивала:

— Пока предложение не делает, на ночь не оставайся. ЗАГС или никаких!

А в августе случилось то, о чём потом долго гудел весь город. Но никто ничего не знал достоверно. И не узнали — ни родители, ни следователи, ни судья...

Однажды утром в пляжной беседке нашли мёртвую девушку. Это была Аня. Её убили ножом, и нож нашли тут же, неподалёку. Удалось выяснить, что ночью в беседке шумно веселилась компания. Но кто там был — так и не узнали. Допросили всех друзей Ани, но ничего не узнали. Один раз на допрос вызвали и Женю. К следователю он ходил вместе с отцом. Это, конечно, было не по правилам, но следователь не стал возражать. В тот же день Женю отправили в Москву.

Дело было тёмное, но, в конце концов, выяснили, что похожий нож видели у Коли, да к тому же и алиби у него не оказалось, и его арестовали. Но он молчал. Просто молчал и всё.

Понятное дело, по городу ползло множество слухов, один невероятнее другого. Самые популярные — что Аню убили из ревности и что её проиграли в карты.

Аню похоронили, Женина семья уехала из города, Колю судили и посадили.

— И чего им не хватало-то?! — Наташкин голос заставил Лёпу очнуться от воспоминаний. — У всех родители — богатенькие буратинки, в коттеджах живут... Говорят, к Сахарову в Горький ездили, Че Гевару конспектировали... Оружие из тира спёрли...

— Чё-то я не понял я, — высунулся Юрец. — Ну, винтовку спёрли — ладно, и к Сахарову ездить, конечно, ни на хрен не

нужно было. Но Че Гевару-то они инспектировали...

— Конспектировали! — тут же поправила Наташка.

— Ну, конспектировали — тут-то чего плохого? Че Гевару же, а не Гитлера... Он же, Че Гевара, революционер, друг СССР, я сам в «Советской России» читал. Погиб в бою в Аргентине...

— В Боливии, кажется, — снова влезла Наташка.

— Какая разница, что-то не сходится...

«Да, как-то не всё в этой жизни сходится», — подумал Лёпа. Вот и с Сахаровым та же история... Коттедж знаменитого, но опального академика, придумавшего на страх американцам водородную бомбу, прятался в зарослях сирени совсем недалеко от Лёпинаго дома, и отец рассказывал, что несколько раз ему доводилось видеть Сахарова по дороге на работу. Академик любил иногда свежим летним утром пройтись до Красного дома пешком. Он шёл по тротуару, а метрах в десяти за ним шли двое в тёмных костюмах, плечистые и внимательные, а ещё чуть сзади ползла «Волга». Про Сахарова в городе вообще ходило множество баек. О том, как он, оставшись в доме один, — жена уехала в отпуск — пытался пожарить сухие неотваренные макароны, как завязывал сразу два галстука или выходил из дома в ботинках разного цвета. Отцов приятель, местный поэт с научным именем Гелий, рассказал однажды за кружкой пива, как его

знакомый инженер пожаловался по случаю Сахарову, что никак не может накопить на «Москвич», и Сахаров тут же одолжил тому денег и сразу же об этом забыл. Инженер, правда, долг потом удивлённому академику вернул. В общем, говорили о нём как о безобидном и добром учёном-чудаке. И как случилось, что он стал вдруг диссидентом, было совершенно непонятно. Впрочем, у Лёпиного соседа — дяди Коли — на этот счёт было особое мнение: «Жена-еврейка его с толку сбита».

Помолчали. Пустили по кругу бутылку; Наташка, конечно, отказалась. В открытое слуховое окно виднелись яркие звёзды, и доносилась с танцплощадки очень популярная песенка «Арлекино».

— Фигня! — сказал вдруг из темноты Колёсик. — Лучше Пугачёвой эту песню никто никогда не споёт. А этим «фениксам» так и надо... Сынки научников — бешаят с жиру.

Мелкими глотками они пили противный портвейн, заедали сырками и прислушивались к танцплощадке. За чернотой слухового окна угадывался засыпающий город, дальше — завод, ещё дальше — секретные площадки, колючая проволока с сонными солдатами и бодрыми овчарками, а ещё дальше, за мордовскими лесами с многочисленными лагерями, — огромная, бескрайняя страна, где даже в самом глухом уголке всегда найдёшь для души и тела портвейн и плавленные сырки «Дружба».

Среда

Открыв глаза, Лёпа какое-то время лежал не двигаясь. Солнце играло пёстрой тенью сирени на светлой стене, за окном слышался гул просыпающегося города, голос молочницы слабо доносился с соседней улицы: «Малако-о-э!» И всё же его не оставляло ощущение нереальности, словно это был сон во сне. Ты проснулся, поднялся, идёшь куда-то, а на самом деле спишь, но осознаёшь это, только когда по-настоящему проснёшься. Неужели снова началось? Лет в тринадцать Лёпе вдруг начал сниться «многосерийный» сон. Едва он касался головой подушки, как оказывался в другой жизни. Там, в том сне, был тот же город, та же школа, родители, друзья. Но были и люди, которых в реальной жизни не было. Там всё казалось настоящим, очень будничным. Он даже спал во сне и во сне сна — летал. Жизнь «здесь» и жизнь «там» шла по одним и тем же законам, с одним течением времени и периодичностью событий.

Сначала Лёпе всё это казалось страшно интересным. Он даже рассказал о необычном сне своим загадочным друзьям, на что ему было авторитетно заявлено, что «так у всех бывает». А Юрец поведал о том, что ему уже год время от времени снится один и тот же сон. Лёпе даже интересно стало: что произойдёт в новой «серии»? Но ничего особенно выдающегося не происходило.

Лёпа «там» учился, гулял, дрался, читал, попадал в неприятные и в приятные ситуации, ездил зайцем на обшарпанном автобусе 3 «а», ходил на «Неуловимых мстителей», обменивался марками с Юрцом и мечтал о собаке. Чего не хватало его сознанию — или подсознанию? — в этой реальности, если оно сконструировало параллельную жизнь, — не понять. Однако вторая «сонная» жизнь всё длилась и длилась, и Лёпа даже стал к ней привыкать.

И вдруг однажды он с ужасом осознал, что временами стал путаться, где явь, а где сон. Утром, открыв глаза, порой мучительно пытался понять: проснулся он или заснул? Ведь поначалу, проснувшись, Лёпа не сразу понимал, что видел сон, а во сне о реальной жизни не помнил. Порой в школе, задремав на очень уж занудном уроке, пригретый горячим апрельским солнышком в широком окне, Лёпа вздрагивал в холодном поту, потеряв ощущение места и времени: где он — «там» или «здесь»?! Он встречал на улице человека и знал, что знает его, но никак не мог вспомнить, кто он. Или ещё хуже — в «сонной» жизни Лёпа с человеком хорошо знаком, даже дружен, а наяву тот, встречая Лёпину улыбку, удивлённо поднимал брови. Иногда посреди какого-нибудь дела или разговора с друзьями Лёпа испытывал сильнейшее ощущение дежавю, понимая, что всё это уже было. Во сне? Иногда в такие моменты Лёпа заранее знал, что скажет сейчас человек, что ему

ответят, что случится — упадёт ли ложка на пол или пропорхнёт в окне голубь. А временами, как ни пытался вспомнить, что будет дальше (например, какая выйдет оценка за сочинение), — никак не мог. Часто во сне Лёпу настигали воспоминания из реальной жизни, которые он воспринимал, как запомнившийся сон.

В какой-то момент Лёпа испугался: почувствовал, что эта двойная жизнь сведёт с ума. Посоветоваться было не с кем. Как рассказать об этом родителям, он не имел понятия, подойти к учителю — неммыслимо. Да и боялся он, что к нему приклеится кличка «псих». У него появилось ощущение, что он тонет... Кончилось всё совершенно неожиданно. Однажды во сне Лёпа вдруг чётко и ясно осознал, что это сон. И ощущение это оказалось таким тягостным, что он как будто страшно постарел.

Был поздний вечер. По безлюдным улицам города Лёпа пошёл к ближайшей девятиэтажке. Не встретив ни одного человека, по пахнущим кошками лестничным пролётам поднялся на последний этаж. Люк на крышу оказался незапертым. С замиранием сердца поднялся на крышу, подошёл к краю и взгляделся в город. Нет, это не настоящий город. Всё правильно, все улицы знакомы, все дома на месте. Вон жёлтый дом со шпилем, вон сиреневый сквер с фонтаном и трёхфигурной скульптурой «Дружба народов» с проволочным земным шаром на вытянутых руках, вон стадион... Но что-то не так, не так, не так...

И Лёпа шагнул вперёд; но, уже проваливаясь в пустоту, вдруг заledenел в ужасе: а вдруг это не сон?! Дыхание остановилось вместе с сердцем, крик застрял в глотке. От ощущения беспредельного ужаса непоправимой ошибки Лёпа и проснулся... Но с того дня всё закончилось — странные сны больше не тревожили его.

Потом, став постарше, Лёпа думал иногда, что неправильно распорядился случаем. Что мог бы, пожалуй, с умом подойдя к делу, прожить две полноценных жизни вместо одной. Ведь жизнь во сне можно было бы превратить в полигон, в тренировочный лагерь... Но сейчас, когда это странное ощущение вернулось, Лёпа испугался. Нет, ему не хотелось бы снова пережить это странное раздвоение.

Тут он глянул на циферблат будильника и подскочил, словно ошпаренный, — времени осталось как раз добежать до цеха. Лёпа заметался, натягивая брюки, кусая на ходу батон и захлёбывая его молоком прямо из пакета, приглаживая расчёской непослушные вихры. Доставая из-за двери портфель с инструментом, он задел коленкой станину швейной машинки «Зингер» и зашипел от боли. «Рррразмечтался!» — ругал он себя, выбегая из квартиры.

В цеху только и было разговоров про «Феникс»; с оглядкой, втихомолку, по углам, в курилке, на скамеечке под липами обсуждали небывалое ЧП. Слухами делились самыми фантастическими. Мол,

ребятишки не только обезоружили часовых и отняли у них автоматы, но и захватили ядерный реактор на одной из площадок. И будто бы направили ультиматум самому Брежневу. И будто бы обнаружена целая сеть ячеек по всем предприятиям и организациям города. Всё это было так неожиданно и невероятно, что непонятно было, что и думать. Главное, неясно — зачем? Чего хотели? Вроде бы возврата к ленинским идеям, к справедливости, ну и всякое такое. В общем, новую революцию хотели. Начиная отреагировала Анна Степановна отреагировала на разговоры о революции очень просто:

— Молодые ещё, живут на всём готовом, вот им и скучно. Сами не знают, чего хотят, то ли конституции, то ли севрюжины с хреном... Помните, как с «Девяткой» было?

Да, банда под названием «Девятка» тоже наделала шуму в секретном городе. «И тоже, кстати, ребятки не из бедных семей», — подумал Лёпа. Он, правда, был тогда ещё неразумным младшеклассником и мало что понимал, но все эти рассказы полушёпотом про игры в карты на чужую жизнь, про ночные поездки на ЗИМах в пригородные леса и купание в шампанском запомнил.

Но там уголовица, а тут — политика! Совсем другое дело. Впрочем, вскоре о «Фениксе» пришлось забыть; из городской столовой пришла заявка — перегорел кабель. Причём перегорел в трубе, замурованной в слое бетона под

полом. Повреждённый кабель вытянули с двух сторон, но протолкнуть новый никак не удавалось. Проволока, с помощью которой хотели протащить кабель, в трубу не шла — то ли изгибы мешали, то ли труба проржавела, а может быть, заусенец какой-то мешал. Мастер нервничал, покрикивал на монтеров, но те сделать ничего не могли. Созвали «консилиум» и, покумекав, решили — деваться некуда! — класть кабель поверх пола. Но тут мастер догадался послать за Егорычем. Егорыч работал в цеху электромонтером-ремонтником столет и давно уже мог уйти на пенсию. Но не уходил. «Чего там, на пенсии, делать, — говаривал он, — скучота. И, главное, ни отпуска, ни выходных нету».

Егорыч пришёл и, слегка сторбившись, застыл над торчащей из пола трубой. Он смотрел на неё, а все смотрели на него. Наконец он выпрямился, почесал остатки волос на затылке и потребовал пылесос, шпагат и газету. Ему принесли, и все, раскрыв рты, смотрели, как старый мастер мял из газеты плотный шарик. К шарiku этому он приспособил шпагат и, затолкнув шарик в трубу, велел Лёпе приставить к другому концу трубы пылесос и включить его. Когда пылесос высосал из трубы шарик со шпагатом, к шпагату привязали верёвку попрочней, а к ней, в свою очередь, и кабель, смазанный солидолом.

— С тебя бутылка, — бросил Егорыч мастеру и пошёл в цех.

— Замётано! — весело крикнул ему в сутулую спину мастер.

В столовку Лёпа опять отправился с Агапитом.

— Правда, что Колёсик на прошлой неделе один четверых побил в сквере? — спросил приятель по пути. — Говорят, что одного даже на скорой увезли.

— Правда, — ухмыльнулся Лёпа. — Только он не один был, а с Папулей, а тех не четверо было, а пятеро. И на скорой никого не увозили, на своих ногах сами ушли. Когда подняться сумели.

— А чего подрались?

— Чего подрались — вечер, скучно, делать нечего, вот ребята и решили поразвлечься. Тем более что Колёсик, сам знаешь, маленький, не впечатляет, да и Папуля чувак не габаритный. Вот и развлеклись...

— Ну, отметили, — скромно говорил потом Колёсик об этой драке. — Расписали, как бог черепаху.

— Они, правда, в драке джинсы Папуле порвали, но, когда узнали, на кого потянули, скинулись и новые ему купили: фирму от фарцы.

— Боятся — значит, уважают, — Агапит хоть и был парнем высоким и нехилым, драться не любил, всяческого насилия и трений старался избегать.

На обратном пути неожиданно столкнулись с Верой.

— О, Лёпа! — подалась к ним Вера. — Хорошо, что встретились. Олег, оставь нас на минутку! — И когда обиженный Агапит отошёл, спросила:

— Лена тебе ничего про «Феникс» не рассказывала? Какие-нибудь подробности?

— Да нет, она сама ничего не знает, мамаша у неё не больно разговорчивая в этом смысле... А что?

— Да так... — замылась было Вера, но всё же сказала. — Один из них — мой приятель, сын наших знакомых. Что теперь будет...

— Слушай, но зачем же они против советской власти пошли? Почему...

— Да не против они никакой советской власти! — перебила Вера, сердито тряхнув чёлкой. — Наоборот, за. Ты что, не видишь, как всё стало неправильно? Говорят одно, а на деле другое. В комсомол и партию одни карьеристы идут. За исключением. Вот они и решили поправить. Дураки ватные! Я их почти всех знаю, нормальные ребята! Помнишь, ты мне рассказывал, как в детстве из санатория хотел с друзьями на плоту по Чёрному морю на Кубу уплыть к Фиделло Кастро? Ты же не против СССР был, не сбежать хотел, правда? Вот и они...

Тут Вера заметила, что на них оглядываются, и замолчала.

Лёпа не знал, что и сказать в ответ.

— Ладно, Лёп, увидимся ещё, — пробормотала Вера и быстро пошла прочь.

— Чего это она? — полубопыгствовал дожидавшийся в стороне Агапит.

— Так, — задумчиво ответил Лёпа, — ничего серьёзного...

По дороге в секцию Лёпа зашёл за Колёсиком, хотел поговорить про «Феникс», но тот разговор не поддержал — ну их,

«фениксов» этих, дурью маются. Поработали бы руками по восемь часов в день — вся дурь из головы вылетела бы. Интеллиххенция гнилая...

В раздевалке, облачаясь в кимоно, Лёпа чувствовал, как меняется сам и меняются другие вокруг него. Всё, кроме карате, становилось несущественным, второстепенным. В одном из фильмов про Зорро слуга-китаец говорит Зорро: «В карате нельзя отвлекаться, хозяин». Вот это точно! Нельзя думать ни о чём, кроме точности движений, точности ударов, комбинаций в спарринге. Даже во время разминки нужно думать о том, что, как и для чего ты делаешь. Тогда будет толк. Кто умел войти в такое состояние, добивался успеха. Вот как, например, Колёсик.

Колёсик к секции, к тренировкам и к философии карате относился серьёзно, по-настоящему; в этом мире он был маленьким местным Брюсом Ли. И все, включая сэнсэя, прочили ему чёрный пояс и чемпионство.

К секции прибывался разный народ. Кого-то чморили в школе или во дворе, и нужно было научиться давать сдачи, кто-то разочаровывался в другом виде спорта — приходили, например, ребята из бокса и дзюдо. Но чаще всё-таки шли за экзотикой; десять лет назад была мода на самбо и дзюдо, а теперь вот — на карате.

А тут ещё в кинотеатре целую неделю крутили первый советский боевик «Пираты XX века». Хороший фильм, особенно Лёпе

понравился Тадеуш Касьянов — настоящий каратист, боцмана играет. Теперь народ ещё больше ломанётся в секцию.

Секция работала уже несколько лет, и сэнсэй даже получил в Москве красный пояс, но выйти за пределы города пока не удавалось. Впервые Лёпа пожалел, что живёт в закрытом городе, когда после успешных поединков в Горьком их не взяли в состав областной сборной для участия в самом первом чемпионате СССР. Говорят, кто-то что-то где-то напутал с документами, не оказалось каких-то справок, и в феврале в Ташкент сборная отправилась без них. Но Лёпа подозревал, что дело не в справках, а именно в секретности.

Геньч, двоюродный брат по матери, даже бросил из-за этого плавание, хотя выиграл чемпионат области. Выиграл он, а на чемпионат России поехал горьковский парень, занявший второе место. А Геньчу сказали: нельзя! Нельзя — и всё.

— Чего толку барахтаться, — сказал по этому поводу страшно обиженный Геньч, — если перспективы никаких.

Тут вообще странные вещи происходят. Мальчишка один из третьей школы снялся даже в кино — и ничего. Смешной фильм «Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещён», и он, пацан этот из третьей школы, мальчишку-скрипача в пионерлагере играет — маленькая роль, но смешная...

Лёпа на всю жизнь запомнил, как его и ещё нескольких ребят инструктировал серьёзный дядька в кабинете директора школы, когда их отправляли в санаторий на юг.

— Если вас спросят, из какого вы города? Что вы скажете? — дядька пристально смотрел Лёпе в глаза.

— Из Горького, — заученно отвечал Лёпа.

— А если спросят, на какой улице живёте? — дядька переводил взгляд на кого-нибудь другого.

— На улице Ленина, — как под гипнозом отвечал тот.

После этого Лёпе несколько раз снились страшные сны про шпионов. Но там, на юге, никто ничего у них не спрашивал.

Однажды Лёпа с Колёсиком слушали у Веры в гостях «Голос Америки» и вдруг уловили сквозь гул и треск, что говорят про их город. Слышно, конечно, было плохо — сплошные помехи, но разобрать можно. Сказали, что, мол, на границе Мордовии, в заповедных лесах на территории монастыря создан большой лагерь для инакомыслящих, в котором за колючей проволокой под строгой охраной содержатся учёные и инженеры. Вера так смеялась...

Смех смехом, но рассказывали, что семью одного инженера выселили из города в сорок восемь часов за то, что его дочка-третьеклассница послала подружке по «Артеку» письмо с планом города, который она нарисовала «для наглядности».

Правда или нет — трудно сказать, может, и байка. Но сам-то Лёпа один раз столкнулся. В восьмом классе он купил на заработанные летом в колхозе деньги фотоаппарат «Смена-7». Зарядил плёнку и пошёл в низину пейзажи снимать. Оттуда, из низины, очень красивый вид на монастырскую колокольню, которую, кстати, в городе все отчего-то называют башней. И вот Лёпа стоит на тропинке и в прогал между деревьями снимает колокольню. И тут к нему подходит незнакомый дядька и спрашивает:

— Мальчик, а кто тебе разрешил здесь снимать?

Лёпа даже растерялся, а дядька заставил его открыть фотоаппарат и засветить плёнку. Сегодня-то Лёпа сначала попросил бы документ показать, может, просто перестраховщик какой, а не кагэбешник, ну а тогда испугался, конечно, слегка.

После тренировки вся компания направились в кафе, но Лёпа на полдороге отстал, тихо свернул в переулок и направился в сиреневый сквер. Там у «трёх китайцев», как прозвали скульптурную группу из негра, китайки и европейца, его ждала Ленка.

— Лёп, а давай на будущее лето махнём в Крым дикарями, — вместо «здрасьте» сходу предложила Ленка. Она подхватила его под руку и потащила по аллее. — Я у знакомых попрошу палатку, у них хорошая палатка, польская, а рюкзаки и надувные матрасы у нас в Доме быта напрокат возьмём.

— Так, может, лучше на Кавказ, в Сочи...

— Нет, я в Крым хочу. Хочу Айвазовского посмотреть в Феодосии и музей Грина, в Коктебеле побывать нужно, там все наши знаменитости отдыхали: и Высоцкий, и Вознесенский, и Ахмадулина... А ещё там «Алые паруса» снимали. Да и, кстати, твоих «Пиратов XX века» тоже. Заодно в Планёрское заедем, посмотрим, как планёры тренируются...

— Лен, да ведь Планёрское и Коктебель — это одно и то же.

— Правда?

— Ну да, раньше был Коктебель, а потом там открыли планёрную школу и переименовали Планёрским.

— Не знала! Ну, что — замётно? Поедем?

Девчонка принялась расписывать их будущую вольную жизнь в палатке на крымских берегах, а Лёпа слушал её и не слышал, смотрел в изумрудные с жёлтыми кошачьими крапинками глаза, любовался припухшими сочными губами, и хотелось ему немедленно обхватить её руками и так прижать к себе, чтобы слились они навсегда в одно-единое целое.

Четверг

*...Союз нерушимый республик
свободных*

*Сплотила навеки
великая Русь.*

*Да здравствует созданный
волей народов*

*Единый, могучий
Советский Союз!..*

Опять предки динамик выключить забыли! И как назло, сегодня, когда можно лишний часок потянуться в постели. В цех к восьми идти было не нужно, поскольку ещё вчера в конце рабочего дня мастер дал задание к девяти быть на товарной базе — в качестве шефской помощи поработать на разгрузке. Правда, чего предстояло разгружать, не сказал. «Только бы не ящики с консервами или лимонадом, как в прошлый раз», — думал Лёпа, подходя к длинным серым прямоугольникам складов, у которых уже стояли коричневые товарные вагоны.

Правда, зря беспокоился — попал в бригаду, которую поставили на разгрузку арбузов.

— Ага, вас шестеро, — сказал толстый дядька в синем халате, из кармана которого торчала авторучка. — Значит, так: закончите разгрузку без битья, каждому выдам по самому большому арбузу и по бутылке пива. Один разобьёте, выдам на всех пять штук, два разобьёте — четыре на всех, ну и так далее. Ясно? За работу!

— А если уже разбитый попадёт? — спросил кто-то из бригады.

— А мне до лампочки, — отходя к следующему вагону, ответил дядька, — за работу!

В вагоне оказалось четыре раздавленных в пути арбуза, и Лёпа огорчился, ему хотелось принести арбуз домой. Можно, конечно, и купить, августовские арбузы стоят копейки, но тут дело принципа. Однако юркий, худощавый мужичок в затёртых тесах и

линялой футболке, постоянно работавший здесь, на базе, просто взял битые арбузы и быстро отнёс их в крапиву, буйно разросшуюся под стенами склада, чтобы каждый получил обещанное. С этим хитроvanом Лёпа тут же договорился обменять свою бутылку пива на второй арбуз. Для Ленки.

На обед никто не пошёл, расположившись на пустых ящиках, перекусили кто чем — Лёпа отобедал припасёнными молоком и батоном. Потом сидели в теньке и трындели о том, о сём. Заговорили, конечно, и о Чёрном человеке. Каждый отстаивал свою версию.

— И охота вам ласы точить про глупости! — лениво сказал хитроvan. — Народ чушь несёт, а вы повторяете.

— Ну, а вот тебе он повстречается, что будешь делать? Небось в штаны-то наложишь.

— Не наложу, — хитроvan потянулся за своей лежавшей за ящиками холщовой сумкой и, раскрыв её, показал. В сумке холодно отсвечивал большой тесак.

После обеда разгружали кирпич. Во время перекура, чтобы развлечься, Лёпа поставил два кирпича «на попа», третий сверху мостиком и, коротко хакнув, разбил кирпич ребром ладони.

— Каратист, — скривил в усмешке синеватые губы хитроvan. — Накачанные мышцы — это, конечно, неплохо, но накачанные мозги лучше!

Лёпе стало неловко — действительно, что за показуха! Но слова ему понравились, и он решил их запомнить: могут пригодиться.

Работа спорилась, и вагон быстро опустел. Толстяк в синем халате, проверив выгруженный товар, выдал каждому по арбузу и бутылке «Жигулёвского» и отпустил. До конца рабочего дня было ещё далеко, но в цех Лёпа, естественно, не пошёл. А пошёл он к девчонке в парикмахерскую. Затащив Лёпу в бытовку, Ленка с подружками сполоснули арбуз под краном, нарезали его и принялись смачно уплетать, сплёвывая косточки в эмалированную кружку.

— Ой! — заплотшно вскинулась среди пиришествия одна из девчонок. — У меня ж клиентка под химией, сторит на фиг! — и бросилась в зал.

Когда, наконец, Лёпу с Ленкой оставили в бытовке одних, они принялись целоваться. Услышав шаги за дверью, они отрывались друг от друга и делали вид, что заняты арбузом, пока шаги не стихнут. Лёпа готов был просидеть в бытовке хоть до ночи, но явилась очередная клиентка, и девчонку вызвали в зал.

Август потихоньку съезжал к сентябрю, тополиные листья становились жёсткими, словно желяными, по утрам уже пахло арбузным морозцем, и роса не сразу исчезала с травы, но днём и до самого вечера было ещё жарко. Лёпа побрёл по улице, остановился у автомата с газировкой и хотел напиток, но вспомнил, что Вера рассказывала про стаканы в этих автоматах, и передумал. Вот ведь не знаешь — и вроде всё равно, а

сказали тебе про туберкулёз — и всё. Одно время Лёпа даже носил в кармане складной стаканчик. Но потом как-то забылся и перестал.

Домой идти не хотелось, да и незачем, и Лёпа отправился на речку. На пляже почти никого не было. Пацаны, несколько молодух с мелкими детишками и парочка пенсионеров. Да с краю, под ветлой, расположилась компания вокруг газетки, на которой разложены были бутерброды с колбасой, нарезанное полосками сало и стояли бутылки. «Сало в такую жару», — брезгливо подумал Лёпа. Хотя под водку...

Он разделся, бросился в воду и, добравшись до середины реки, неспешно поплыл параллельно берегу. Отчего-то плавание приводило и мысли, и тело в порядок. Причём плыть можно и бездумно, и о чём-то размышляя. Порой во время заплыва в голове без всяких усилий сами собой рождались интересные истории, даже как будто стихи складывались. И никакой усталости. Плывь себе по речке, а грезится, будто бы вокруг море или океан, и нет ему ни конца, ни края. Однажды Лёпа так размечтался, что не заметил, как заплыл в заросшую ряской и тиной заводь. Проплывая под висячим мостом, он вспомнил, как в каникулы после седьмого класса задумал с друзьями сделать подводную лодку. Нашли металлическую бочку, зубилом выбили отверстия под иллюминаторы из оргстекла и люк, для герметизации приспособили

гудрон и старые резинки от стиральной машины и выброшенного на свалку холодильника «Юрюзань». Провозились пол-года, но когда на тележке, сделанной из детской коляски, привезли подлодку к реке и спустили на воду, она тут же камнем пошла ко дну. Хорошо ещё, что для начала испытать её решили без экипажа. «Да, сколько раз выдумки могли закончиться плохо, — думал Лёпа, лягушкой распластываясь по воде, — но как-то везло. Бабка говорила: Ангел-Хранитель». Вот кто нащепал Лёпе, чтобы он не стрелял из только что изготовленного пугача с руки, а привязал его для начала к сосне? Пугач этот рвануло так, что ствол разлетелся на мелкие кусочки... А вот однокласснику Лёпиному не повезло: серная бомбочка разорвалась у того прямо в кармане штанов, так что пацан остался без одного яичка. А соседский парень Андрей упал с третьего этажа, но отделался лишь переломом руки. И как только пацаны доживают до взрослого состояния...

«Хм, — подумал Лёпа, разворачиваясь к пляжу, — нужно бы понырять, ведь та бочка и сегодня должна бы лежать в том омутке у висячего мостика. Если полководьем не унесло».

Бочку он нащупал с первого нырка. Она до половины завязла в иле, люка и иллюминаторов не было. Вспомнилось, как возились с этой бочкой, как везли её сюда в сладкой надежде на подводные приключения... Лёпе стало грустно, и он потихоньку поплыл к

берегу. Постоял на песке, обсыхая, оделся и поплёлся домой.

А что дома? Все на работе, делать нечего, по телеку ничего интересного. И Лёпа, сняв с полки потрёпанного Конан Дойла, плюхнулся на диван.

...Вечером заявился Миха.

— Слышал про «Феникс»? — с порога заорал он, как всегда, не сильно трезвый. — Во дают ребята!

Мальш скинул сандалии и босиком прошлёпал на кухню, где Лёпа разогревал вчерашние макароны, залитые яйцом.

— А ты погромче не можешь? — Лёпа снял с плиты скворчащую сковородку. — Есть будешь?

— Неа, выпить есть?

— Нету. Чего ты опять в рабочий день набрался?

— Так рабочий день уже кончился. А предки где?

— В Караганде, в гости ушли...

С Мальшом Лёпа подружился через драку. Миху в восьмом классе перевели из другой школы, и в первый же день на первой же перемене он решил что-то доказать и схватился с первым попавшимся. Первым попавшимся оказался Лёпа. Когда их разняли, Мальш шепнул Лёпе:

— После уроков пойдём ко мне брагу пить.

Отец у Мальша гнал самогон... А через месяц он позвал Лёпу в тайное общество «Бей милицию!».

— Ты пойми, — горячо втолковывал он Лёпе, — милиция давно перестала быть народной! Легавые, они же враги народа. Они

же в трюме пьяных избивают и деньги крадут. Поди потом чего докажи, ты ж пьяный был. А что, рабочему человеку выпить нельзя? Я понимаю, ты с ножом бегаешь, это да. А если просто домой идёшь — чего хватать?!

История с «Фениксом», судя по всему, привела его в восторг.

— Эх, жалко, что я с этими ребятами не познакомился! Опыта им не хватило житейского, детки научных, маменькины сынки наверняка, вот и влипли!

— Ну, с тобой-то, конечно, не влипли бы.

— Ну, я-то не влип.

Как-то раз, уже когда они учились в десятом, Малыш приволок на чердак пачку самодельных журналов всё с тем же дурацким названием «Бей милицию». Лёпа полистал полуслепые страницы, сшитые чёрными нитками. Заметки были напечатаны через копирку, а потом ещё и скопированы на РЭМе, иллюстрации почти не разобрать.

— Ты вот подумай, — агитировал он Лёпу. — Вот сосед мой Коньрин — партийный, даже секретарь, а сколько раз домой на карачках приползал. А с трибуны агитирует за трезвость! Это как? Это правильно? А когда отцу очередь на «Москвич» подошла, ему сказали: у тебя гаража нет, значит, и машина тебе не положена. И теперь на нашем «Москвиче» предпрофкома катается, а мы ещё два года будем гаража ждать. Где справедливость?!

Вообще-то Малыш бредил пустешествами, хотел исследовать

неведомое — побывать на озере Лох-Несс, поймать чудище озера Лабынкыр, верил, что где-то в Гималаях или в Тибете ждёт его снежный человек, а в Атлантике — Бермудский треугольник...

— Почему капиталистам везде можно, а нас, советских, никуда не пускают? — кипятился он.

— Почему же никуда, — пытался возразить Лёпа. — Вот же Дмитрий Шпаро первым на лыжах до Северного полюса дошёл; читал в «Комсомолке»?

— Да, читал, но это же исключение!

Спорить было бесполезно. Да и аргументы Малыш приводил такие, на которые не сразу и ответишь. Не сказать, чтобы Лёпу особенно тянуло куда-то за границу, но что-то обидное в этом действительно было: одним можно, другим нельзя.

Увлёкшись карате, Лёпа и приятеля пытался было затянуть в секцию, но Миха с усмешечкой отказался:

— Зачем? Если надо, я ломик возьму и дам по башке без всяких тренировок и махания ногами.

Честно говоря, Малыш и без ломика был силен; да и неудивительно — целыми днями с рубанками, стамесками, ножовками, молотками. Тут поневоле мышцу накачаешь...

— Пойдёшь со мной и Агапитом Чёрного человека ловить? — спросил он, вытягивая со сковородки макаронину и с хлопом засасывая её в рот.

— Да нет никакого Чёрного человека, — скорее из чувства

противоречия, чем по убеждению возразил Лёпа. — Если бы был, давно поймали бы.

— Кто поймал бы, — скривился в иронии Мальш, — легавые, что ли? Поймают они, они только пьяных ловить умеют. Вот если бы кагэбешники взялись, тогда...

Солнце завалилось за верхушки сосен, когда Ленка вышла во двор к ожидавшему её на дворовой скамейке Лёпе. Печаль, которая ни с того ни с сего терзала парня весь день, ушла, и на душе было легко и покойно. Отправившись в сквер, купили по дороге по мороженому, Ленке — эскимо на палочке, себе Лёпа взял любимое шоколадное. Шли не торопясь, лакомились, шурились на красное зарево за сплетением сиреневых зарослей, за дальними крышами, сворачивали за кусты, целовались.

Тут в кустах их и окружили. Четверо. Лёпа сначала и не понял ничего.

— Чего тебе надо?! — нервно крикнула Ленка одному из них, лобастому, с ёжиком белобрысых волос и толстыми губами. — Сказала же — всё!

Тут Лёпа догадался: бывший. Про него Ленка сказала однажды: был один, тупой, как валенок сибирский. Звонит иногда...

Дрались молча. Ленку Лёпа сразу вытолкнул на дорожку, а сам бросился на белобрысого. Парни не ожидали такой прыти, и когда спохватились, белобрысый уже стоял, согнувшись вдвое, и из носа его текла кровь.

Так же быстро Лёпа справился и со вторым, двинув ему ботинком по голени и кулаком под дых. Оставшиеся двое принялись молотить его кулаками, и как Лёпа ни закрывался блоками и ни уворачивался, пришлось ему довольно туго. Неясно, чем бы всё кончилось, но из кустов высунулась строгая физиономия в милицмейской фуражке и спросила:

— Вы чего тут?

Парни сразу бросились врассыпную.

— Ещё встретимся! — крикнул один из них на бегу.

— Раньше, чем ты думаешь, — пробормотал Лёпа.

— Чего вы тут драку хулиганите? — взял Лёпу за локоть милиционер. — Не стыдно?

— Это они на нас напали, — схватилась за Лёпу с другой стороны Ленка. — Мы просто гуляли.

Милиционер всмотрелся в заплывающий Лёпин глаз и отпустил локоть.

— Ты его бодрягой, — посоветовал он Лёпе, — а то распухнет.

— Всё из-за меня, — бормотала девчонка, платком вытирая ободренные в кровь Лёпины кулаки. — Ну, я не знаю, что с этим делать. Может, мать попросить, чтобы через милицию его пугнули.

— Ещё чего, — ухмыльнулся Лёпа, — обойдёмся без милиции. Где он живёт? Завтра с ребятами схожу к нему, и он про тебя навсегда забудет.

— А что было бы, если бы милиционера не оказалось поблизости? — озорно сверкнув зелёными глазами, спросила Ленка.

— Да по-всякому могло быть, — пожал плечами Лёпа, — один из них боксёр, похоже, хорошо дерётся. Но это не имеет значения, они всё равно поняли, что я их не испугался, а значит, и драться в целом бесполезно.

Глаз подёргивало, и, похоже, завтра на работу он явится с хоррошим синяком, а всё же парню было приятно, что подруга смотрит на него словно бы по-другому: не то, чтобы с восхищением, но как-то... А может, и с восхищением...

Спасть не хотелось, и Лёпа полез на чердак. Там, как всегда, «гуляли».

Чердак Лёпиного двухэтажного дома, построенного когда-то ещё пленными немцами, со школьных лет был их «штабом». Конечно, теперь им вовсе незачем и не от кого было прятаться с бутылкой портвейна, но компания как-то привыкла к этому месту, к пыльному полумраку, к голубиному запаху и к отстранённости от житейской суеты двумя этажами ниже. А может быть, просто детство не до конца ещё выветрилось из их голов и душ. Как бы там ни было, время от времени они забирались сюда не столько для того, чтобы выпить в тишине и спокойствии, сколько для того, чтобы поболтать, поделиться новостями, радостями и заботами... Обсудили Лёпин фингал и кто пойдёт за этот фингал квитаться, поговорили про «Феникс», но как-то вяло, без охоты, потом про скорые поездки «на картошку». Шефские эти командировки все ругали, а вот Лёпе нравилось уезжать на несколько дней в колхоз,

ковыряться в земле, дружить и драться с местными ребятами, печь в костре только что выкопанные из тяжёлого чернозёма картофелины. Заговорили, конечно, и про Чёрного человека. У каждого была своя версия. Насмешил всех Малой, развив теорию о том, что Чёрный человек — это монах, который сто лет скрывался в тайной келье монастыря, а теперь вышел, чтобы мстить за взорванные церкви.

Юрец, как всегда некстати, влез в разговор:

— Анекдот новый слышали? Подходит мужик к газетному киоску, говорит: дайте «Правду», а киоскёрша: «Правды» нет. А он: ну, «Советскую Россию», а она: «Россию» продали. Мужик: а что есть? Остался только «Труд» за три копейки...

Никто не засмеялся — анекдот был старый. Толстый, рыхлый и вяловатый Юрец вообще был смешным. Однажды, слушая у Лёпы пластинку Робертино Лоретти, похвалил:

— Какой у неё голос здоровский!

— У кого у неё? — не сразу понял Лёпа.

— Ну, у неё, у Робертины!

— Это не она, это он, мальчишка — Робертино...

Юрец выгарастил глаза... С ним такое часто бывало, ляпнет иногда — хоть стой, хоть падай. У учительницы истории в восьмом, кажется, классе спросил, кто такой Дзуликый Анус, а у злощей физички пытался выяснить, что такое мастурбация.

— Ты с дуба рухнул такое спрашивать? — допытывался

после уроков Лёпа. — И почему именно у физички?

— Ну, я думал, это с физикой связано... — простодушно ответил Юрец.

Вот и в секции он не удержался: придёт, получит в спарринге пару ударов в толстый живот и киснет, мол, нету способности к борьбе. Лёпа вспомнил, как Юрец худел. По совету сэсэя каждое утро делал пробежку до реки — километра по три туда и обратно, полчаса плавал и на турнике «уголок» делал. Порозовел, стал заметно бодрее, но всё не худел, даже, кажется, наоборот... Как-то, дожидаясь Юрца у него дома, Лёпа спросил его сестру Любашу, не врёт ли парень, что бегает по утрам.

— Что ты, Лёп, сама удивляюсь, — ответила Любаша, — каждый день встаёт по будильнику, треники на ходу натягивает — и на реку! Приходит весь красный, взмыленный, а голодный — ужас! Навернёт кастрюльку супа с батоном — и на работу...

Вечером, увидев Лёпин синяк, отец, иронически ухмыльнувшись, крикнул:

— Говоришь, бесконтактное у вас карате?

Мать разохалась, засуетилась и действительно заставила Лёпу сделать примочку с бодягой.

— Лёп, мы в воскресенье в деревню, — сказала она, когда Лёпа ложился спать. — Ребят забрать надо, в школу скоро. Ты поедешь?

— Неа, — пробормотал Лёпа в ответ и заснул, едва коснувшись подушки.

Пятница

— Статуй гипсовый! Накачался на мою голову! Иди с глаз долой!

Соседка с утра скандалила с мужем. «Странно, — подумал Лёпа, прибирая постель, — не мог дядя Коля в будний день напиться, да ещё с утра».

— Чё, дядь Коль, чем тёте Клаве не угодил? — спросил Лёпа, столкнувшись с соседом в подъезде.

— Да цветное бельё вместе с белым в стиральную машину бросил, ну и покрасилось, — сокрушённо покрутил головой дядя Коля, — откуда ж я знал...

— Так не берись, в чём не сечёшь.

— Ну, вот и она про то же. А я помочь хотел. А ты что — тоже кому-то помочь хотел? — дядя Коля кивнул на синяк. — Красавец...

У ворот цеха маялся Агапит. Увидев Лёпу, кинулся навстречу:

— Лёп, одолжи червонец до получки!

— Чего приспичило?

— Тоня из бухгалтерии батник и водолазку предлагает, а я на мели, как назло.

— Она разве фарцует? — удивился Лёпа, ведь всем известно, что Тоня активничала в комсомоле и в профсоюзе, и заниматься фарцовкой ей было совсем не с руки.

— Да нет, — замахал руками Агапит. — Брату её в подарок прислали, а с размером промахнулись... А я ей помогал кой-чего, вот она мне первому и предложила, но ждать будет только до

вечера. А чё это у тебя с глазом? У вас же вроде бесконтактное карате...

— Случаются контакты, — беспечно махнул рукой Лёпа.

На перекурах каждый, конечно, прошёлся по поводу Лёпиного синяка. Мастер, глянув на «украшение», сказал только:

— Да, карате не панацея, — и отправил Лёпу на склад. Не на заявку же с таким фингалом идти.

На обед Лёпу зазвал к себе Толя Молчанов — приятель из секции. Как Лёпа и предположил, Толян звал похвастаться новой пластинкой. Такого проигрывателя и таких дисков не было, пожалуй, ни у кого в городе. Все знали, что у него было лишь два увлечения в жизни: единоборства и музыка. Начинал Толя с самбо, стал чемпионом города в своём весе, потом освоил дзюдо и, наконец, пришёл в карате. В карате, однако, больших успехов не добивался, не давалась растяжка, очень уж забитыми и перекаченными оказались мышцы; ходил в крепких среднячках.

Уже с порога комнаты Лёпа увидел на тумбочке яркий конверт с надписью «АВВА». По всему, не советского производства. И угадал.

Коля ставил на журнальный столик тарелки с пельменями и вещал:

— Никогда наши не научатся идеальный звук давать. Не дано.

— Зато мы делаем ракеты и даже в области балета... — начал

было проявлять патриотизм Лёпа, но Толян не поддержал.

— Кто мешает и ракеты, и диски на уровне делать? Аппаратуру для спутников — запросто, для бомбы атомной — пожалуйста, сам делаю, а на проигрыватель что — мозгов не хватает?

Он сунул Лёпе ложку — ешь, мол, а сам вынул из конверта диск, сдул с него несуществующие пылинки и аккуратно, словно мину, поставил на проигрыватель. Они принялись за пельмени, а сладкие голоса шведской четвёрки заполнили комнату, полились в приоткрытое окно, привлекая внимание случайных прохожих и тревожа слух романтических малолеток в дворовой беседке.

— Я за неё Клиффа Ричарда и Челентано отдал одной дуре, — кивнул Толян на крутящуюся пластинку. — В городе другой такой нет.

Пельмени приятель, увлечённый мыслями о музыке, недоварил и недосолил, но зато поставил на стол майонез, который Лёпа обожал, и это скрасило нехитрую трапезу.

— Да ты сравни! — Толя кончиками пальцев брал за рёбра другую пластинку, осторожно ставил её на круг проигрывателя и включал. — Это наша пластинка, «Мелодия». А это, — он аккуратно менял диски, — ихняя, забугорная. Чуешь разницу?!

Лёпа особой разницы не улавливал, но, чтобы не обижать приятеля, качал головой и соглашался:

— Да-а-а...

Они ели пельмени, слушали музыку, но разговор неожиданно перешёл — тыфу ты! — на Чёрного человека.

— Есть Чёрный человек, — Толян словно отрубил, — брат видел. Лично. Издалека, правда. В вашем, кстати, районе. Вышел из кустов — метра два с половиной роста — постоял и снова в кусты. Брат, сам знаешь, не из фантазёров...

Лёпа спросил, что приятель слышал про «Феникс». Толян дернул плечом:

— Дураки малолетние. Революции захотелось. Теперь вот и себе биографии сломали, и родителям. Со мной один папашка работает — чёрный весь, через день в КГБ ходит. Похоже, попрут его и с работы, и из города.

— А чего они хотели-то?

— Да я толком не знаю. Вроде бы собирались реактор захватить и Брежневу ультиматум выкатить, чтобы, как Ленин завещал, чтоб без привилегий. Ну, дурачки-романтики. Че Гевара им пока не даёт.

Уже в дверях попросил:

— Передай сэнсэю, я сегодня в секцию не приду: спецзаказ, работаем без прорыва по полторы смены...

В секции готовились к открытию сезона. Сезон начинался в сентябре, и по этому поводу каждый год проводили турнир. На турнир, однако, выходили не все, а лишь прошедшие отборочные бои. Сегодня выпало выходить на спарринг и Лёпе. В противники ему

достался Большой Витя. Одного с Лёпой возраста, Витя был на голову выше и заметно тяжелее.

— Ты двигайся больше, финти и атакуй серией, — шепнул ему перед боем Колёсик. — Он тяжёлый, медленный и на отходе плохо прикрывается.

Сначала всё шло хорошо. Большой Витя не успевал за Лёпиными уходами с линии атаки и заходами с боковыми ударами. Но под конец спарринга, когда Лёпа решил, что победа за ним и слегка расслабился, Витя вдруг неожиданно пошёл вперёд и сначала, зарывив потрясающий уширо, сбил Лёпу с толка, а потом, не дав опомниться, едва ли не выгнал его с ринга жёсткими прямыми в голову.

— Говорил же тебе: двигайся, финти, — укорял Лёпу Колёсик. — Ну, ничего, у тебя ещё два спарринга, отыграешься...

После душа расстроенный Лёпа сидел на скамеечке, ждал, пока высохнут волосы, и, потихоньку одеваясь, рассматривал на крашенных синей, кое-где уже потрескавшейся масляной краской стенах раздевалки народное творчество. На двери в туалет было старательно нацарапано:

*«В сортире гадости писать,
Увы, мой друг, давно не ново.
Но согласись, такую мать,
Что только здесь свобода слова!»*

Лёпе отчего-то сразу вспомнился Мальши; тот мог бы такое написать. Запросто.

Ленка уже ждала его во дворе:

— Идём в гости. Светка приехала из Крыма, слайды показывать будет. Да не упрямясь, там только свои будут...

Крыма на слайдах, в общем-то, практически и не было. Были са-наторные здания, сама Светка — одна и с парнями, два-три кадра пляжа опять же с картинно лежащей на песке Светкой, какие-то кипарисы и мутноватые зелёные горы. После слайдов пили чай и триндели обо всё подряд. Лёпа заговорил было про «Феникс», но тему не поддержали — мол, сынки учёных с жиру бесятся, чего о них говорить; накажут и правильно сделают. Зато про Чёрного человека проговорили почти час...

У подъезда Ленка долго мялась, держала за руку, отводила глаза, наконец, сказала:

— Лёп, как хочешь, но я матери сказала, что замуж выхожу.

— За кого? — от неожиданности ляпнул Лёпа.

— Ты что — дурак? За тебя!

— А мать?

— Обалдела, конечно. В общем, так — хватит прятаться! Завтра она на какой-то конференции допоздна, а в воскресенье придёшь знакомиться. Придёшь?

— Приду.

Лёпа шёл по городу и ничего не замечал. Замуж. За меня. Вот ведь! Муж, жена... И вдруг его проняло: конечно! Разве он сам-то этого не хочет? Ещё как хочет!

Луна серебрила крыши, когда Лёпа вернулся домой. К его удивлению, дома не спали. Мать

в зале смотрела телек, а на кухне отец с дядей Колей сидели за бутылкой «Зубровки».

— Чего празднуем? — поинтересовался Лёпа.

— Как чего, — развёл руками дядя Коля, — пятницу! Присовокупляйся.

Лёпа присел за стол. Пить не стал, а вот солёными грибочками с горбушкой ржаного похрустел с удовольствием. Он любил вот эти посиделки отца с соседом. Дядя Коля человеком был интересным: любил свою работу и рыбалку, боялся заболеть алкоголизмом и свою жену. И хоть был простым фрезеровщиком, но любил выражаться фигурально и философски. По утрам, когда Лёпа время от времени сталкивался с ним в подъезде, он мог взять парня за пуговицу и неожиданно сказать:

— Жизнь просто-таки кишит парадоксами. Например: круглый дурак рождает плоские мысли.

Или вдруг ни с того ни с сего странно пошутит:

— А ты знаешь, что великий русский художник Левитан родился в бедной еврейской семье?

С отцом они дружили, но при этом почти всегда спорили. На этот раз говорили про Берию. Отец, конечно, ругал Лаврентия Павловича. А дядя Коля, как ни странно, защищал. Мол, без него не было бы сейчас ни атомной бомбы, ни нашего города, а был бы зачуханный посёлок при монастыре. Слушая их, Лёпа вспоминал отцовские споры с дедом о Сталине. Отец, служивший в армии в

Подмосковье, побывал на похоронах Сталина — стоял в охране и едва не погиб в давке. Считал, что Сталина оговорили, приписали ему зверства Берии. А всегда спокойный дед кипятился и орал, что Сталин изверг и даже победа в войне, в которой дед, кстати, участвовал, не снимет с него тяжких грехов...

В постели Лёпа долго ворочался, не в силах успокоиться и уснуть. Сказать родителям про Ленку или подождать? Ладно, утро вечера мудренее...

Суббота

Суббота — хороший день. Вставать спозаранку не надо, завтракать наспех и на работу бежать не надо, делай что хочешь. Столько всего можно успеть, на что в рабочие дни времени не хватает! Да и шляться можно допоздна: завтра не на работу.

Лёпа поднялся часов в девять. Он и дольше бы в постели провалялся, если бы соседский пацан «Битлов» не завёл на своей шарманке. «Йестудееей...» Растудей его с его «Битлами».

На завтрак маманя, как обычно, приготовила яичницу с колбасой и кофе с цикорием. «И где она этот кофе достаёт? — привычно удивился Лёпа. — А всё же хорошо с утречка кофейком побаловаться». Юрец, правда, смеётся — какое, мол, это кофе. Ну, правильно, у него папаша в Главке работает, у них кофе из зёрен — и запах другой, и вкус... Лёпа с Колёсиком у него однажды даже

виски настоящий попробовали. Бутылка у его папашки в серванте стояла початая, вот Юрец им по полрюмашечки и налил. Ну не водка, конечно! А всё ж таки кофе с цикорием лучше, чем грузинский чай.

Позавтракав, Лёпа отправился к Колёсику. Тот уже возле сарая покрышку от ЗИЛа, наполовину вкопанную в песок, молотом обрабатывал. Босиком и в одних тегасах, вспотел уже весь. Где-то он прочитал, что и Брюс Ли, и Мухаммед Али так резкость удара нарабатывали. Вот и молотит покрышку каждую свободную минуту. Может, и правда помогает — удар у Колёсика дай бог каждому. А Лёпе больше плавать нравится: и мышцы укрепляет, и они не дубеют при этом, не закрепощаются, эластичными остаются.

Колёсик надел футболку и сказал, что разборку с бывшим Ленкиным придётся отложить: сегодня нужно сходить за реку. Тамошние оборзели совсем, нашего парня избили. За то, что ходит на их территорию. А как ему не ходить, если там его ПТУ? В общем, нужно разобраться. У моста их уже ждали Гена, Папуля и Юрец. Ну и Саня — ему как раз и навалили.

Говорит: никого не трогал, ничего не говорил, шёл себе в профуру. Налетели, окружили и наклали. Человек семь. Главный, как всегда, Красавчик.

Красавчик этот Лёпе особенно не нравится. Приятель его старшего брата — боксёр-перворазрядник. Вот он и кичится. Сам-то

дерётся так себе. Можно сказать, никак, но связываться с ним не любят. Знают, что этот знакомый его брата скоро КМСа получит.

Но у Лёпиной кампании тоже кое-кто за спиной есть. Миша-Француз. Он уже КМС, и тот перворазрядник за Красавчика из-за Француза не полезет. Скажет Красавчику: сами разбирайтесь. Такой политес.

«Если бы Красавчик знал, что Саня из наших, — подумал Лёпа, — ни за что не стал бы на него тянуть. Потому что заречные если кого и побаиваются, так это наших». Как-то на танцах Красавчик полез было на Колёсика, но тот ему свет быстро выключил. А брат, зная про Француза, вместо того чтоб заступиться, ещё и отвесил ему: лезешь, так дерись, да и вообще — знай, на кого лапку задирать.

Саня что-то в последний момент заочковал, дёрнул Колёсика за рукав: не маловато нас? Но Колёсик даже и не ответил. Просто говорит: пошли. За мостом все собрались, так внутренне поджались. Не шутка, эти заречные совести не знают. Могут и ножичком.

Они, как всегда, на стадионе болтались. На трибунах. Увидели в нашей кампании Саню и сразу всё поняли. Двое-трое даже сразу слиняли так незаметненько. Но Красавчик — он наглый, улыбается: о, какие люди в Голливуде, какими судьбами?

Папуля прямо с ходу влепил ему в челюсть, он тоже этого Красавчика терпеть ненавидит. Красавчик, правда, готов был, и удар

вскользь пришёлся. Ну и тут началось махалово. Даже Саня разошёлся, хотя, по правде сказать, трусоват он. Но за компанию все смелые.

Лёпа схватился с Борьком, с дружкой Красавчика. И сделал глупость: вместо того чтобы кулаками работать, сцепился с ним бороться. А он Лёпу головой как боднёт в лицо! Тот такой подлости не ожидал, а лбешник у Борька крепкий, ну, Лёпа и поплыл. Хорошо, не свалился. Отпустил его, вспомнив, как Француз учил, и стал кулаками по печени бить. Тут и он остановился, видно, удалось пробить печень-то. Ну и пока они с ним так стояли, в себя приходили, всё кончилось. И Красавчик, и другие побежали, а Колёсик подскочил и двинул Борька боковым, так что тот сразу рухнул. Очень хотелось Лёпе пнуть его пару раз, но сдержался: лежачих не пинаем. А Красавчик вот сдерживаться не стал бы, это точно.

В общем, отметилили заречных, и усталые, но довольные, пошли в «Снежинку». Саня говорит: угощаю. У Сани, как и у Юрца, всегда деньги есть, у него родители богатые: мать — экономист в Управлении, а отец — начальник цеха. Он и Саню после ПТУ к себе забрал и заставил в вечерний техникум поступить. В «Снежинке» встретили Веру. Колёсик аж зарделся весь, когда её увидел. Ну, посидели, поели мороженное, поболтали. Лёпа, как всегда, шоколадное с грушевым сиропом взял. Саня Вере про

заречных рассказал и так всё вывернул, поросёнок, что будто бы только благодаря его стойкости и удалось отметелить заречных. Но никто не обиделся, посмеялись вместе с Верой и договорились после обеда идти купаться.

За обедом маманя опять завела вольнку, что, мол, в техникум поступать надо, вон Саня... Ну, понятно... Лёпа ей не сказал ещё, что предложили ему идти проводником спецвагонов. Зарплата там в три раза больше, чем в цеху, и на фиг тогда техникум. Правда, смущало Лёпу, что командировки месяца по два-три. Вот и реши, что лучше-то: с одной стороны деньги, а с другой — от ребят отобьёшься, тренировки придётся пропускать. Да и скучно две недели в дороге, там, в основном, дядьки пожилые, лет по сорок. О чём с ними...

На пляж Лёпа пришёл, когда все уже были там и играли в карты. Вера в карты не играла, и Колёсик тоже не стал, да и Лёпа, по правде сказать, карты не уважал. Ему бы лучше поваляться с книжкой, да неудобно как-то. Не принято. Колёсик принёс гитару и пел для Веры. Песен он знает до чёрта. И Высоцкого, и эмигрантов, и старые дворовые. Эмигрантов Вера, правда, не любит, мата там много, и Колёсик при ней их не поёт. Так, в основном весёлые или жизненные, там «Друзья, купите папиросы», «У ней следы проказы на руках» или «Там, где речка, в речке козий брод, глотает воду по утрам колхозный скот...»; в общем, разное.

Она Колёсику как-то сказала: ты бы выучил Визбора или Окуджаву. Ну, он послушал однажды Батонов и сказал, что это не то. Хотя Батоны хорошо на гитаре играют, лучше Колёсика, честно надо сказать, но песни... Батоны, они вообще странные. Не пьют совсем, не курят. Но и спортом не занимаются. Хотя и не трусы вовсе. И подраться могут. Смешно смотреть, когда они встают спиной к спине, похожие, как два батона, и отмахиваются хоть от целой толпы. Даже тем, кто нападает, смешно становится — и уже не до драки. Нет, кое-что Лёпе даже понравилось. Особенно одна: про горы, про дороги, Визборг, что ли. И ещё другой, со странной такой фамилией — Окуджава. Но большей частью уж очень занудно, а то и непонятно. Про шарик непонятный и девочку, которая то девочка, то старуха... Совсем не то, что Высоцкий. Высоцкий — другое дело.

После реки Лёпа помогал отцу разбирать погреб. Хорошо, когда есть около дома сарайка с погребом. Вон Папуле приходится на автобусе в гараж за картошкой ездить. А тут вышел из квартиры — и вот, пожалуйста, хоть велосипед поставить, хоть картошку, капусту, соленья всякие хранить.

У Ленки выдалась рабочая суббота. Вот она, служба быта: у всех выходной, а в парикмахерской самый наплыв. Всё же удалось посидеть в бытовке, потрындеть, пока клиентка «под колпаком» сидела. Болтали о всякой

ерунде, и было всё равно о чём, хорошо было, о чём бы ни говорилось.

— Помнишь, ты меня про Чёрного человека спрашивала?

— Ага! — оживилась Ленка. — И что?

— И всё, нет больше Чёрного человека...

Да, кто бы мог подумать, что история с Чёрным человеком закончится так неожиданно! И, оказывается, всё было, как говорится, под боком. Да и развенчала его — Чёрного человека — Наташка. Девчонка, как обычно, шла с тренировки через низину, когда из-за старого вяза вышел этот громила.

— У меня аж в зобу дыханье спёрло, — смеясь, рассказывала Наташка, — вижу, выходит молча, огромный, тёмный, руки тянет белые с кровью на пальцах, глаза горят, зубы страшные... А у меня в руке сумка с формой, и утяжелители там ещё лежали. И я этой сумкой с испугу ка-а-ак дам ему по башке со всего маху! Он грохнулся, маска с лампочками в глазах в одну сторону, вставная челюсть с париком в другую, а из-под балахона братья Скворцовы вылезают. Они под балахоном один у другого на плечах сидели. Вот гады, я чуть не померла со страху. Ну, я им вгорячах отвесила по пенделю и пошла домой.

— Вот тебе и Чёрный человек, никакой мистики, — посмеивался Лёпа. — Нет, конечно, Старшой и Малой — ребята придурковатые. Оба. Но что именно они и есть Чёрный человек, ни за что

не подумал бы! Малой потом ещё говорил, послушали бы вы, какого Натаха матюка выдала, когда мы из-за дерева вышли. Вот же придурки, пусть ещё спасибо скажут, что Наташка никому чужим не рассказала, а то наплись бы желающие поучить этих козлов спортивных.

Вечером Ленка ушла к подруге печатать фотографии, и Лёпа отправился со своими на танцплощадку в городской парк. Опять эта дурочка из ДК пела под Пугачёву. Неужто самой не ясно, что не тянет. Позорится только.

Увидев в толпе Красавчика с его шоблой, Лёпа подумал, что опять придётся схлестнуться. Но нет, свои на одной стороне танцплощадки топгались, заречные на другой. Среди танцев подошёл к Лёпе Борёк, и Лёпа напрягся: Борёк подлый, чего хочешь может. Но он мирно так поздоровался и сказал:

— Здорово ты мне по ливеру настучал, умеешь.

Лёпа из вежливости ответил:

— Да и ты мне по калгану зазвездил неслабо.

Но тут Борёк увидел, что Красавчик смотрит неодобрительно, кивнул и отошёл. Лёпа обернулся и увидел, как к нему Колёсик с Папулей пробираются сквозь толпу: ну, чего? Ничего, всё нормально.

Колёсик спросил:

— Веру не видел?

— Нет, не видел, — ответил Лёпа, а сам подумал: пойдёт тебе Вера на танцплощадку. Жалко

ему было Колёсика, ясно ведь, не его она поля ягодка. И как она вообще в нашу компанию затесалась? Кажется, всё-таки не из-за Колёсика. Хотя улыбается ему, песни слушает и вообще... Институт закончит и уедет, конечно...

Потом, когда уже сидели в беседке у реки, Вера вдруг пришла. Тут все материться стали пореже и как-то поделикатнее, что ли. А Вера даже выпила вермута прямо из горла, чем всех удивила. И сразу ближе как-то стала. Ну, в каком смысле ближе. По-настоящему-то не ближе, конечно, но всё же...

Разговор зашёл было про «Феникс», но Вера его не поддержала, и кто-то завёл вольтинку про Афганистан. Мол, друг знакомого моего троюродного брата вернулся оттуда и рассказал, что гибнет там уйма нашего народа. Трупы вывозят самосвалами... Не любил Лёпа этих разговоров, ведь никто ничего по-настоящему не знает, а трьндят, как старухи на завалинках. Чего рассуждать о том, чего не знаешь.

— Вот и плохо, что не знаем, — Вера вдруг рассердилась, — просто нам там делать нечего! Никто нас туда не звал!

— А как же интернациональный долг? — запальчиво возразил Малой. — У них там контрреволюция!

— Сами они со своей контрреволюцией разберутся!

Спор завязался нешуточный. Когда тема завяла, Лёпа за чем-то ляпнул, что мать пристаёт

с техникумом, а есть возможность в депо перейти на хорошую зарплату. Все начали спорить. Вера говорит, деньги не главное, с образованием будут и деньги. Тут все ещё сильнее заспорили, прямо гвалт поднялся.

Лёпа вышел из беседки, посмотрел на небо, а там звёзд — пропасть! Слышит, Вера за спиной говорит:

— Млечный Путь сегодня — загляденье.

Тут и Колёсик вышел. Ребята в беседке как с цепи сорвались, спорят, кричат, а Вера Лёпе с Колёсиком созвездия показывает: это Кассиопея, это Андромеда, левее Большой Медведицы — Гончие Псы, а там вон, на западе, белая яркая — Венера. Уже совсем низко, скоро зайдёт... А самая яркая звезда в нашем полушарии во-он та, ниже Гончих Псов — Арктур, смотрите, как мерцает...

Действительно красиво. А Лёпа, кроме Большой Медведицы да Полярной звезды, ничего и не помнит уже, хотя в школе в восьмом классе в кружок астрономии ходил.

Потом Колёсик пошёл провожать Веру домой, и, уходя, она сказала Лёпе:

— Поступай в техникум, обязательно поступай.

Дома все уже спали; Лёпа напился из-под крана холодной воды, потихоньку разделся и лёг. В окно тыкалась сирень, сквозь листья были видны звёзды, но не так много, потому что на углу горел фонарь. «Какой хороший день получился, — думал Лёпа,

пытаясь разглядеть сквозь сирень Арктур. — Всё-таки суббота — это здорово». И, уже засыпая, подумал: правда, что ли, в техникум податься? Ленка-то одобрит. Точно.

Воскресенье

— Держи! — бабка протянула Лёпе узелок. — Иди на выселки, там какой-нито шофёр тебя подберёт. Скажи только, что обед дядьке-комбайнёру везёшь.

Лёпа знал, что в чистом узелке большая горбушка ржаного, яйца, в русской печке печёные, огурцы, картофелин несколько штук, опять же печёных, бутылка молока, тряпочкой или газеткой заткнутая, соль в спичечном коробке. Лёпа любил эту пору, любил бывать в поле, по которому красными и синими кораблями плыли комбайны. Садились тут же у комбайна и прямо на стерне обедали. Фуфайку засаленную какую-нибудь бросишь, чтобы не кололась...

Ждать попутной машины Лёпа не стал, пошёл к дядьке пешком, напрямки недалеко поле-то. Правда, идти придётся через колдовской холмик, есть такое место, про которое говорили, что там плохо что-то. Ну, старались туда без дела не ходить. Лёпа посмеивался, конечно, над этим. Гагарин в космос слетал, а тут такие суеверия, косность. Лёпа бодро шёл по пыльной тропинке, прутиком сшибая голубоватые головки цикория, шлёпая кедами по пыли и беспечно насвистывая. Тропка вывела его на круглый холм —

то самое «нехорошее место»: на холме кольцом берёзы, внутри кольца — поляна, тоже круглая, с высокой густой травой. В центре поляны Лёпа остановился, поставил узелок и повалился в шёлковую траву. Ласково шелестели высокие стройные берёзы, небо синело ярким кругом над головой в зелёной кайме, в вышине заливались невидимые жаворонки, а где-то над ухом гудел шмель — благодать. Лёпа смотрел, как лёгкие облачка по небу бегут, слушал кузнечиков, вдыхал аромат травы и близкого хлебного поля. Неподальку стрекотали комбайны, машина гуднула... И Лёпа вдруг понял, что вот это вот — и есть счастье. Вот бы вечно так всё шло и шло. А что будет дальше — хорошее?

И только он это подумал, как всё изменилось. Главное — тишина. Полнейшая. И так всё странно: ни кузнечиков, ни жаворонков не слышно, трава замерла, берёзы застыли... Лёпе словно уши заткнули, или будто он на дне озера оказался. Странное дело — ветер стих, а облака по небу в три раза быстрее несутся, даже кажется, что облака на месте стоят, а это поляна вместе с Лёпой летит куда-то! А главное, пошевелиться Лёпа не может, даже головы не повернуть. И тут из-за берёз показалась высокая, очень высокая женщина в белом балахоне с капюшоном и пошла по Лёпиной тропинке. Сердце у него заколотилось, только бы не заметила! А она вдруг лицо к нему поворачивает, а лица... нету! То есть что-то есть, как бы и

глаза, и рот, и даже прядь волос из-под капюшона, но размыто, словно сквозь марево, не узнать. Лёпа весь потом холодным облился, и при этом его в жар бросило! А женщина шаг как будто призамедлила, и в голове у Лёпы такое началось — не опишешь. Тут женщина капюшон скинула, смотрит Лёпа, а на лбу у неё пятна, она руку подняла, а на кисти нескольких пальцев нет. Вдруг как дунуло, гул пошёл, каменное небо стало стремительно падать, Лёпа задохнулся, сияясь закричать, и... проснулся. Какое-то время не мог поверить — сон? Потом глянул на часы: проспал!

В панике вскочил с постели и, скача на одной ноге, принялся натягивать штаны. Ну надо же, проспал! Плеснув в лицо холодной водой и выхватив на бегу из холодильника бутерброд с сыром, вылетел из квартиры. На улицах было пусто: понятно, все уже на работе.

— Вот не хватало! — ругал себя Лёпа, ускоряя ход. Мастер — мужик хороший, но к опозданиям относится... И вдруг резко, словно на стеклянную стену наткнулся, остановился: болван, сегодня же воскресенье! Тьфу ты! Он медленно побрёл обратно.

Неспешно позавтракав, Лёпа вышел во двор, присел на скамеечку под старым тополем. Всё не шёл из головы дурацкий сон. Бабка сказала бы: не к добру... К Ленке «на смотрины» идти после обеда. Родичи уехали в деревню за братьями. Делать было нечего.

Из соседнего двора пришёл Малой, присел рядом.

— Ну как, тебе ещё никто не наваял за Чёрного человека? — ухмыльнулся Лёпа.

Малой беспокойно оглянулся:

— Вот трепачка Натаха, разболтала всем! Баба она и есть баба...

Хлопнула дверь подъезда, и вышел дядя Коля, присел, закурил.

Соседский пацан перестал, наконец, гонять «Битлов» и поставил другую пластинку.

— О, цыганочка! — оживился дядя Коля. — Из фильма «Начало». И фильм хороший, и музыка...

— Это не цыганочка, — мотнул головой в сторону раскрытого окна Малой, — это группа такая «Шидоуз».

— Да не «Шидоуз», а «Шэдоуз», — нехотя поправил Лёпа. Мысль о том, как будет знакомиться с Ленкиной матерью, как всё это пройдёт, неотвязно висела на заднем плане, и он никак не мог вытряхнуть её из головы.

Двор постепенно наливался жарой. Вдруг хлопнула дверь, раздался крик:

— Джек, стоять! Стоять, тебе говорят!

Из-за угла, истошно квохча, вперевалку пробежала курица, за уворачивающейся курицей весёлой припрыжкой нёсся породистый пёс жильца из седьмой квартиры — художника Аполлонова, за псом, неловко спотыкаясь, семенил сам Аполлонов, за художником с прутьяной метлой мчалась хозяйка курицы Анна Ивановна. Смотреть на это было забавно.

— Вот упрощённый пример нашей жизни, — прокомментировал происходящее дядя Коля. — Все бегут, много азарта, шума и энергии. А зачем? На самом деле Джеку курица не нужна, Аполлоныч его покормил, и он сыт. Аполлоныч знает, что Джек курицу не съест, но ему неудобно перед Ивановной. И Ивановна знает, что пёс курицу не съест, но её раздражает интеллигент-художник, который ни хрена не работает, только картинку малюет, а деньги загребает лопатой, и пёс у него мясо жрёт.

Курица, наконец, ухитрилась проскочить в щель под дверью сарая, пёс удовлетворённо гавкнул и побежал спасаться от наигранного гнева хозяина к его жене, а Анна Ивановна, стукнув метлой по дворовой пыли, вроде бы про себя, но так чтобы слышали все, пробормотала:

— А ещё очки носят... ттилигенты...

Двор сонно затих. Помолчали. Потом дядя Коля вздохнул:

— Да-а, жизнь тянется до-о-олго, а пролетает в одно мгновенье.

— Вот новый анекдот, — ожилился Малой. — Упала вилка на пол и да-а-авай валяться!

Лёпа хмыкнул и встал:

— Пошли, Малой, купца резать!

— Кого резать? Какого купца? — удивился дядя Коля.

— Да купаться, дядь Коль, — засмеялся Малой. — Пошли...

На пляже было уже не протолкнуться: воскресенье. Вчерашняя компания едва ли не в полном

составе расположилась почти у самой воды. Кто-то достал карты. Лёпа плавал, валялся на горячем песке, снова прыгал с разбега в воду, бегал за мороженым, снова плавал, но, ясное дело, думал о Ленке, о том, как поладит — и поладит ли — с её мамашей. Он так никому, ни родителям, ни друзьям ничего и не сказал. Успеется.

Однако пора было идти «на смотрины». Дождавшись, когда высохнут трусы, Лёпа принялся одеваться.

— Куда ты? — спросил Малой.

— Так, по делу...

У Ленкиного дома Лёпа поболтался немного по двору, посидел на скамейке и — делать нечего — вошёл в подъезд.

На лестничной клетке Лёпа замялся. Дверь была слегка приоткрыта, и из глубины квартиры доносился раздражённый голос Ленкиной матери:

— Я тебе удивляюсь! Нашла себе пару — троечник и хулиган, я Лебедевой в школу звонила, говорит, оторва оторвой. С дружками комсорга в унитаз головой макнули, их едва из школы не выгнали. И не смейся! Ничего смешного в этом нет! Или ты такая же... простая... Тебе учиться надо, а не романы заводить.

Послышался невнятный Ленкин голос, но что она говорила, Лёпа не разобрал.

— Знаешь что, — оборвала её мамаша, — дело твоё, хочешь себе жизнь испортить — пожалуйста! Локти только потом не кусай. Локоток-то, он близок, да не укусишь.

Лёпа повернулся и медленно побрёл из подъезда.

Можно было бы отправиться к Колёсику или к Мальшу двинуть, но он понял, что разговаривать нет никакого желания, а прийти и сидеть молча глупо. Пошёл на реку плавать. Знакомых на пляже уже никого не было. А ему и не нужно. Разделся, плюхнулся в тёплую воду и принялся нарезать круги до всячего моста, потом до лодочной станции, до отмели детского пляжа и обратно к всячему. Мысли не отпускали. Впервые река не принесла успокоения. Плавал до тех пор, пока от голода не засосало под ложечкой...

Вечером, совсем уже поздно, в дверь постучали. Открыл отец:

— Лёпа, к тебе.

«Ленка», — догадался Лёпа.

Она взяла его за руку и потащила на улицу.

— Ну, что случилось? — зелёные глаза её потемнели во влажный малахит. — Почему не пришёл?

Лёпа решил — будь что будет! — сказать как есть:

— Я случайно ваш с матерью разговор услышал... Не подслушивал, дверь была открыта, я не успел постучать...

Ленка помолчала, потом взяла его под руку:

— Пойдём, погуляем.

Они шагали по пустой дорожке к реке и всячему мосту. Спелая августовская ночь всё гуще наваливалась на город, из низины тянуло туманом, попискивала какая-то пичуга в

темноте. На середине моста они остановились, опёрлись на перила, смотрели, как в аспидной воде отражаются красные огоньки телеантенны с колокольни. Ленка повернулась спиной к перилам, выставив острые локти, скосила глаза на угрюмого Лёпу:

— Ты пойми... Тут такое дело, мать-то в разводе, папашка бросил нас, когда мне годика три было... Ну вот, она и трясётся надо мной. Но она тебя не знает, и она немного от простой жизни оторвалась, и хочет мне жениха с образованием, с положением. Ну, понимаешь... Она ведь знаешь, как наверх пробивалась.

— То есть, если я наверх не хочу, значит, я тебе не пара, — в Лёпе плавилась обида, — а я как Гоша, который из кино «Москва слезам не верит», не хочу быть начальником.

— Ну, ладно, «Гоша»... Мать-то пусть как хочет к этому относится, главное-то, как мы друг к другу относимся, разве нет? Я вот знаешь, что сегодня поняла, после спора с мамкой и после того, как ты не пришёл?

— И что же?

— Что я тебя люблю, дурак!

Помолчала, потом заглянула Лёпе в глаза:

— А ты?

Лёпа откачнулся от перил, повернул девчонку к себе, твёрдо сказал:

— И я тебя люблю!

Они бродили по городу, заходили в случайный подъезд целоваться, спугнутые жильцами, шли

в другой. Улица за улицей, переулок за переулком город окружал их августовским теплом, знакомыми звуками и запахами. В этом вот коттедже жил странный человек Андрей Сахаров, а там вон, за горящим окном, задумался о чём-то учёный Харитон, а здесь Лёпа лет в семь на велосипеде не вписался в поворот, влетел в забор и вывихнул руку. А дальше — Дом учёных, а в другой стороне — деревянный особнячок ЗАГСа...

Незаметно для себя добрели до парка. Где-то за деревьями шумела, а потом стихла танцплощадка, значит, пошёл двенадцатый час. Они сидели на скамейке под старыми липами и молчали. А о чём говорить, всё нужное сказано. И Лёпе нравилось, что можно вот так сидеть в обнимку и молчать,

и молчание это не тяготило, а наоборот, наполняло душу теплом и тихой радостью. Лёпа смотрел на мерцающий Млечный Путь, слушал затихающее дыхание города и думал о том, что всё-таки поступит в техникум, а потом, может быть, даже и в институт. И в Крым они поедут дикарями, в палатке будут жить у самого синего моря. И поженятся, несмотря на недовольство Ленкиной матери. Никуда не денется, когда узнает кое-что...

Жизнь-то ведь, если подумать, в целом вокруг хорошая. Интересная жизнь. Нужно только это понимать.

И, в общем-то, неплохо, что всё так и будет ещё долго-долго.

Всегда.

Вечно...